

**Юрий
ПОЛЯКОВ**

**ДВОЙНОЙ
ЗАРЯД**

Посвящается
Курману Нурушову

**Юрий
ПОЛЯКОВ**

ДВОЙНОЙ ЗАРЯД

Рассказы

**Петропавловск
2006**

ПОЛЯКОВ Ю.П.
«Двойной заряд»
Сборник рассказов

**Сборник рассказов известного поэта,
журналиста Северного Казахстана
Юрия Петровича Полякова
посвящается отважному воину,
участнику Великой Отечественной войны,
разведчику Курману Нурушову,
дочь которого - Батия - разделяет
с автором самые
трудные годы его жизни.
Курман Нурушов вернулся с фронта
с высокими наградами - двумя орденами
Отечественной войны, медалями
«За отвагу» и «За боевые заслуги».
Долгое время работал
в селе Амангельды председателем совхоза,
воспитал двух дочерей и сына.
Всегда был в почете у людей.**

Автор выражает благодарность
СКОФ партии «Отан» (Г.В. Кухарю),
общественному объединению
«Петропавловск - наш общий дом» (С.Ю. Золотареву)
за помощь в издании книги.

Издательство «Северный Казахстан», 2006 г.
Тел. 31-07-72

У ПЛОТИНЫ

Лекции и прочие дела институтские закончились поздно. Третьекурсники шумно покинули аудитории. Домой не хотелось - там ждали всегдашние бытовые заботы: поход в ближайшие магазины за хлебом и камбалой, помощь в стирке и другие нудные вещи. На Зеленый базар ехать тоже не хотелось, а если говорить честнее - не с чем. Оно-то неплохо бы было пошататься по торговым рядам, купить дешевого винограда «дамские пальчики» или горячих подсоленных кукурузных кочерыжек, только что вынутых из кипятка, и, усевшись на бетонированную облицовку арыка, уплетать все это под бутылку-другую вермута. Но на какие шиши? Стипендия улиткой ползла где-то еще за горизонтом. А на товарной станции зарабатывать желания не обнаруживалось - осточертело.

- Слушай, Андрэ, - вдруг предложил Олег Макарцов, - давай махнем-ка на птицефабрику, она тут недалеко. На фабрике моя двоюродная сестра Линка. Муж у нее Игорь, отличный мужик. Поедем? У него там тьма кроликов, содержатся на воле, как зайцы. Потрясная картина! Он, когда надо, не ловит их, а стреляет прямо с крыльца. Прерии! Ждем?

Андрей прикинул, как дома после будут укорять и допрашивать, где да с кем был, поколебавшись, согласился:

- Айда! Должны же мы когда-нибудь иметь, как говорят в Одессе, просвет в тучах?

- Старик, у нас идентичные мысли. Скачем на вокзал, автобус через двадцать минут.

Сначала мелькали за стеклами по-деревенски уютные улочки пригорода, все в садах, потом что-то вроде хуторков. В одном месте попало разводное кольцо с пестрым, ярким цветником посреди. Автобус, слегка кренясь, одо-

лел его и, резко взяв влево, помчал по широкому с бордюрами шоссе. Олег нетерпеливо поглядывал в окно и сказал, когда в стороне показалось несколько кирпичных продолговатых построек и несколько домиков возле них с веселыми глазастыми окнами:

- Вот и фабрика. На перекрестке сходим.

Фабричным тут не пахло. На берегу небольшой дамбы, заполненной водой, стояло два длинных приземистых здания под шифером. Чуть поодаль, у самой плотины, шурились окнами три хорошо ухоженных домика. За плотиной тянулась в пустые поля широкая лощина. Пологие края ее желтели суглинистыми пятнами и редкими, но буйными кустами солодки.

Олег пояснил:

- Желтые пятна - это песок из нор кроликов. Видишь, носятся? Австралия!

И действительно, какой только расцветки и какого калибра лопухих тут не было! Не боясь людей, они спокойно занимались своим кроличьим делом: одни, постарше, стригли разную травку, смешно надувая щеки. Крольчата, радуясь погоде, носились друг за другом, пулей влетая в норы-хатки. Пересчитать их действительно было невозможно.

- Удивил?- спросил Олег.

- Еще бы! - воскликнул восхищенно Андрей. - Вот где приволье! Я сейчас бы сменил студенческую лямку на эти фазенды. А то представляю, запрут при распределении в какую-нибудь грязную дырищу, будешь там ковать до лет преклонных.

- Все может быть, - весело подтвердил Олег. - Будем бороться, старик, за лучшую долю. Не горюй, впереди еще два года долбежки. Надо изучать места обетованные, авось в неподходящее не вляпаемся.

В домиках увидели, как пара незнакомцев прошла мимо окон. К плотине от домиков степенно отделился среднего роста человек. На нем был черно-зеленый пуловер, черная модная кепчонка. Двигался он неспешно.

- Игорь! - нейтрально определил Макарец. - Зверски начитанный дядя. Козырать не любит, больше помалкивает. Мужик-душа.

А мужик-душа тем временем приостановился, приложил ладонь к надбровью и радостно воскликнул:

- Ба, кто приехал! Лучшие люди республики! Чего не идете в дом? Окрестности обзриваем?

- Так точно, Игорек! - подтвердил Олег.

Тот обнял и расцеловал Олега. Андрею крепко пожал руку. Во всем этом не было наигранной умиленности, была настоящая радость.

- Э! - досадливо показал рукой Игорь на кроликов. - Надоели! Всю лошину выгрызли. Корову с телятами некуда выпустить. Истреблять надо. Приезжайте охотиться. Ружья найду, - неожиданно предложил он.

Беседуя, они дошли до особнячка. Во дворе царила чистота. Вдоль дорожки к сараям, гремя цепью, по проволоке бегал черный умеренно злой песик. На его лай вышла Лина, пышная моложавая женщина. Она очень была похожа на Олега: так же черноволоса, то же продолговатое смуглое лицо. Даже манера вести себя и говорить были те же.

Увидев Олега, всплеснула руками:

- Ой, наконец-то заглянул. Ты же обещал приехать в июне?

- Да где там, Лина! Я как закатился в Петровку, так до начала занятий и жарился. Помогал по хозяйству.

- Как там наши?

- Нормально. Павел Федорович немного похандрил - ноги болели. Сейчас поправился, опять гарцует на своем «Урале».

-А мама?

Пошел тот обязательный разговор, какой бывает у встретившихся родственников. Андрею было, конечно, скучновато слушать. Он облокотился на перила крыльца и курил. Ему просто хотелось побыть тут, на новом месте, просто посмотреть, чем и как живут эти уединившиеся люди у плотины, хотелось чего-то простого и легкого, без утомления, без надоевших выводов о том, что жить нелегко, а жить предстоит еще труднее.

Словно чувствуя настроение гостя, Вика, дочь Лины, спросила:

- Вам как Высоцкий? Пойдемте покрутим.

Боже! Есть же телепатия!

- Ага! - радостно согласился Андрей. - У вас есть о Куке? Мне страшно нравится эта песня.

Вика пошелестела кассетами, щелкнула магнитофоном, из него хрипло заструилось:

Возле города Пекина

Ходят-бродят хун-вэй-би-ны...

- Ой, не то! Но сейчас будет о Куке, - торопливо сказала она.

У Андрея сладко вспыхнуло сердце. Ему давно не было так неожиданно хорошо. Они с Викой говорили о разных пустяках, что-то уточняли, вспоминали, спорили. Удивленность этой встречей скоро исчезла, они уже говорили так, будто Андрей бывал в этом доме не раз.

Когда отпел Высоцкий, Андрей заметил:

- Знаешь, Вика, я пишу стихи. Олег тебе не говорил?

- Не-ет, - удивленно и утвердительно одновременно произнесла она. - Я встречала твою фамилию в газетах. Но думала, это кто-то другой. Не ты.

- У меня есть стихотворение, посвященное Высоцкому. Хочешь послушать?

- Очень, - и она посмотрела на Андрея лукаво и загадочно-обещающе.

Андрей начал:

Так много грязи,
Так много мрази,
Бороться духу
И сил уж нет...

Вика слушала, не произнося ни слова. И только когда Андрей прочел последние строчки:

Но дайте, люди,
Недолгий срок,
Мы грязь осушим,
Изменим души,
И вы узнаете рывок, -

не то осуждающе, не то восхищаясь, сказала:

- Ой, вы так серьезно, даже как-то свирепо пишете!

- Как могу, - развел он руками и улыбнулся. - Я считаю, что жизнь посвирепее моих стихов. Но у меня есть и лирика:

Давай-ка сходим за околицу
В тот час, когда среди хлебов
Земля устало Богу молится
Одними вздохами, без слов.

- А что, в самом деле, - встрепелась Вика, - давайте сходим на плотину. Там так хорошо! Я часто по вечерам хожу туда.

Вечерело. Далеко за реденькой березовой рощей садилось остывающее солнце. На пригорках, безмолвных, высохших за лето травах, на тропинках и дорогах, пылящих к птичьей ферме, на мерцающей воде у дамбы лежала предвечерняя умиротворенность. Природа к чему-то будто прислушивалась. Все вокруг млело. Только вертлявые беспокойные кулики жалобно и тонко пикали в розовой закатной тишине на отмели в конце дамбы, гоняясь за козявка-

ми и всякими водяными обитателями. Им в тон попискивала синеватая, белощекая длиннохвостка, бегая по краю плотины у самой воды. Иногда из глубины выпрыгивал бронзовый горбатый карп, шумно шлепался о воду, и тогда по дамбе разбегались кругами мелкие-мелкие волны, медленно расходились от места шлепка и постепенно угасали.

Андрей и Вика шли по накатанной телегами и машинами дамбе. Ах, как они тянулись сейчас друг к другу душами! Взаимная, внезапная влюбленность колдовской дымкой обволокла их.

В конце дамбы зияла неглубокая промоина.

- Дальше пойдем?

Вика пожала плечами. Лицо ее было рядом. Андрей склонился к нему. Вика не отстранилась, и он увидел в ее глазах бесстрашный неодолимый призыв. Прильнув к полуоткрытым губам, он начал ее целовать долгими жадными поцелуями. Она закрыла глаза и, не шевелясь, пила его, иногда вздрагивая.

Потом освободилась от объятия, поправила прическу.

- Давай возвращаться. Нас, наверно, ждут.

- Пожалуй. Нам же еще предстоит ехать.

- Сегодня? - Вика посмотрела на Андрея, обеими руками взяла его за локоть, прижалась к плечу.

- К сожалению, - печально произнес он. - Утром с девяти у нас лекции.

Она задумчиво шла рядом.

- Будешь приезжать?

- Вика, только при удобных случаях.

- А много их будет?

- Больше, чем ты думаешь.

Они подошли к дому.

- Молодежь, мы вас ждали, - сказала Лина, когда они показались. - У нас еще гость. Проходите.

В зале уже был накрыт стол. Был тут и сосед их, кореец Ким. Седоватый, коротко остриженный, он очень чисто говорил по-русски, беседовал с Игорем об огородных делах. Артем Иванович - так звали Кима - разводил на огороде традиционную всякую всячину, кроме того, что-то свое, незабытое, корейское, известное только ему да его жене. Осенью наготовливал множество всяких салатов. Все они были необычно вкусны и остры.

- Корейцы любят все острое, - посмеивался Артем Иванович. - Вот, попробуйте это, - предложил он и открыл литровую баночку чего-то вроде маринованных свекольных листьев.

Когда выпили по рюмке, всем понравился именно этот маринад, он жег во рту от избытка перца. Был прохладен, резок и слегка солоноват.

Ким вдруг заговорил, как хорошо корейцы жили на Дальнем Востоке, но вот написал литератор Павленко роман о будущей войне с японцами, изобразил там всех корейцев шпионами, и в результате - переезд в Казахстан. Де-порта-ци-я!

- Весной приезжайте, - оборвал он драматическую тему, посмотрев на Олега и Андрея. - Посадим все, что надо, потом научу делать этот салат. И еще кое-что.

Артем Иванович хитровато шурился, больше взглядывал на Андрея, деликатно, тонко и явно намекал на его прогулку с Викой. Андрей об этом догадывался, Вика тоже, вероятно, поняла намек. Она немного стеснялась, но смотрела на Андрея по-прежнему откровенно влюбленно.

Застолье завершилось само собой: Игорь и Лина отправились готовить продукты Олегу в дорогу, он им помогал, Артем Иванович побежал что-то тоже принести из своего корейского ассортимента. Андрей с Викторией остались за столом. Склонившись друг к другу, они тихо говорили о своем.

Потом, когда все было готово, кульки и сумки набиты снедью, все шумно пошли провожать студентов. Автобус резво и почти бесшумно подкатил к остановке. Игорь и Артем Иванович помогли занести сумки в салон. Начались объятия. Лина и Игорь что-то наказывали Олегу, Ким тоже говорил, положив руку ему на плечо. Андрей с Викой подошли к автобусу. Андрей обнял ее тонкую фигуру, ладную, страстную. Она приподнялась на носках, обдала лицо жаром своего дыхания.

- Я буду ждать, - прошептала.

- До встречи, - проговорил он изменившимся голосом.

Сел у окна. За ним виднелись четыре фигуры. Расплывчатые, словно нарисованные черной, сильно разбавленной гуашью. Андрей силился угадать, кто из них Вика.

Вдали, за светящимися квадратами окон домиков, угадывалась плотина. Ее не было видно. К этому, ближнему берегу, от нее тянулась широкая светло-бронзовая лунная дорожка. В конце ее, там, на плотине, осталась Вика - милая, черноглазая, такая славная Вика. Когда эта дорожка приведет его, Андрея, к ней? Не знал он. Не знал он и какой будет эта дорожка - надежной и твердой или трудной и долгой. Но верил - приведет.

Нелепое приглашение Игоря поохотиться вдруг вспомнилось. Он представил, как палит с плотины из ружья по беззащитным кроликам, а Вика подсчитывает подбитых, и ему стало жутко. И еще вспомнилось латинское слово, услышанное от Кима, - ДЕПОРТАЦИЯ.

Пустующая дорожка струилась вслед автобусу, возвращая и возвращая его мысли к истоку всего сегодняшнего. Она струилась чисто, потом зарыбила сквозь кусты ближних посадок, а потом как-то неожиданно и разом потухла.

МОЯ ВОЙНА

Мгновения памяти

В жизни каждого бывают, наверно, такие годы, которые входят в память, как гвоздь, по самую шляпку. У меня такой гвоздь - Отечественная война.

Что осело в памяти моей - тогда мальчишки? Многое. Не раз хотел я рассказать хотя бы что-то. Не получалось. Почему? Не знаю.

А покоя прошлое не дает. Может, все же отступится, если расскажу о нем теперь?

Если что-то у меня не совсем точно, пусть меня не осудят: пятьдесят лет для памяти - возраст более чем почтенный.

«ХААН»

Зима 41-го. Свирепая. Потом таких зим не припоминается. Мороз жуткий. Зиму мы перебедовывали на уютной русской печке. Там играли, там же впервые начинали угадывать первые букочки в замечательном цветастом букваре. А потом и прочитывать по слогам о том, что рабы - не мы и как мама мыла раму. С печки видна часть окна, около него, на лавке - бабушка за прялкой, в углу - икона с запыленной лампадкой из зеленого стекла.

Вторые, внутренние рамы окон обложены толстенным слоем инея. И входная дверь тоже. Внизу двери, чтобы не упускать теплый дух из избы, на порог наложено какое-то тряпье. Оно примерзло и к двери, и к порогу. Поэтому, когда дверь открывают, раздается визгливый треск.

И вот в одно утро раздался этот треск. В избу, за клубившись, хлынуло облако морозного пара. Мы с братом Вить-

кой с любопытством глазеем на облако: кто появится из него - наши-то все дома.

Ухнула закрываемая дверь. Облако осело на пол. У двери стояли, озирая избу, двое военных. Один ростом едва не под потолок, другой пониже.

Бабушка перестала прятать, тихо ахнула, только и выговорила:

- Насть...

Это она позвала нашу мать. Та появилась с другой половины избы и остолбенела.

В это время в подпечье запел петух. Он с курами оказался там вынужденно: на дворе все они пообморозили гребешки, вот бабушка с мамой и решили спасти птицу в подпечье. Пропел петух на свою голову.

- О, хаан! - обрадованно произнес тот, что был под потолок. - Во нет? Где?

Который поменьше ростом, ткнул пальцем в подпечье.

Детина опустил на колени, отбросил корзину, которой был закрыт вход туда, заглянул. Под печкой было темно. Куры обрадовались свету и полезли наружу. Детина начал хватать их по одной и подавать напарнику. Тот ловко откручивал им головы и бросал трофей к порогу. Куры отчаянно трепыхались. Солдат прижимал их сапогом к полу.

У порога выросла разноцветная пуховая куча. Оставалась очередь петуха. Видимо, почуяв беду, он никак не хотел покидать теплое укрытие, громко кричал, бегая в подпечных потемках. Тогда верзила взял кочергу, выгреб «хаана» оттуда. Голову ему скрутил сам.

Солдаты лапка к лапке собрали передавленных кур в две большие сизки, молча двинули плечом дверь и вынырнули в стужу. Бабушка вышла вслед за ними. Вскоре вернулась.

- Побросали кур в сани и поехали, - сказала она как-то безразлично, словно для того, чтобы все мы знали, чем

кончилось нашествие двух оккупантов. - Дождались, - добавила она.

И было в этом сказанном столько презрения, горечи, осуждения, подспудного страха, проклятья и еще чего-то, что ничем нельзя измерить.

Этот день стал первым днем оккупации нашей Лобановки на моей многострадальной орловщине.

В ПОДПОЛЬЕ

Грабежи стали повальными. Отбирали все, что попадало на глаза. Даже если не попадало, находились в деревне два-три стукача, чаще стукачки. Стараясь выслужиться перед пришельцами, продавали соседей и несоседей. Так было и с нами.

Как-то вечером собралось все наше семейство: прадед Тишка - Тихон Михайлович, бабушка Анна, мать, ну, мы с братом Витькой, неперменные участники тайных и нетайных семейных разговоров.

- Корову надо куда-то девать, - сказала бабушка, выдвигая фитиль в лампе, которая еще питалась довоенным керосином. - Вон у Абрамовых уже увели.

- Дык, куды ж ее по зиме-то денешь? - резонно спросил прадед. - Летом дело другое, в любом буераке можно держать.

- Мать, - сказала наша мама, обращаясь к бабушке, - а что если ее в солому?

Бабушка молчала, что-то прикидывая.

- А вить и то правда, - наконец сказала она. - Выдергать солому в середине омета и поставить ее туда.

- Это надо делать сейчас же, - поддержал их прадед, - а то вражины со дня на день придут. Пойду-ка займусь.

И прадед той же тихой, морозной, безлунной ночью сделал в омете нечто вроде грота. Под утро нашу Милку пе-

ревели туда. Мы потом с братом бегали смотреть на ее новое местожительство. Бабушка и мать боялись одного: не заревела бы корова. Бывает же, что ни с того ни с сего они начинают реветь, особенно к весне. Но Милка была умница или просто чуяла, что ее спасают от беды, за всю зиму не проронила ни звука.

А через день нагрянула четверка немцев с переводчиком.

- Нам сказали, что у вас есть корова, - сказал переводчик. - Пошли во двор.

Пошли. Коровы не было.

- Мы ее перед самой войной продали, - объяснила бабушка.

Переводчик, мужик ненашенский, многозначительно оглядел хлев, довольно свежий навоз в нем, понимающе посмотрел на бабушку, но спутникам сказал коротко:

- Найн.

Компания мародеров удалилась. Милка была спасена.

ПЕРВЫЙ ПАТРОН

Это был русский винтовочный патрон. Он около тропинки был вдавлен чьей-то ногой в снег. Как притягательно розовели его гильзы и пуля!

- Давай возьмем, - сказал я Витьке. А у самого душа уходила в пятки от страха: а если кто-то увидит, как мы его поднимаем? Что будет? И сам патрон - вдруг взорвется? У нас в ушах у обоих звучали наставления прадеда Тишки, наказывавшего нам не подбирать ничего из оружия. Он-то знал, что это такое.

И все-таки я выколупал патрон из снега, взял и осторожно положил в карман полуфужайки.

Домой шел, как в полусне, ожидая, что вот-вот он в кармане ахнет. Дома мы завернули его в тряпку и спрятали

под балкой в сенцах. Когда отлучались бабушка и мать, мы приносили его домой и долго разглядывали. Очень хотелось посмотреть, что у него внутри. Сильно привлекал ярко-малиновый глазок, который, как оказалось, назывался капсюлем.

Потом, когда события стали наезжать на события, мы с братом забыли о патроне. И не вспомнили о нем еще, наверно, потому, что позже в окрестностях Лобановки чего только не появлялось из оружия и боеприпасов... Но - первый патрон!..

ПРОСТИТЕ, ПОРФИРИЙ ИЛЬИЧ!

Это уже после войны. В нем нас, третьеклассников, удивляло все: и необычное имя, и великолепная военная выправка, и мулатская смуглость рук и лица, и отеческое, спокойное обращение с нами, хотя, говорили, он прошел всю войну от начала до конца командиром.

А пришел он к нам в школу неожиданно. Вошел утром на первый урок и сказал нам, притихшим, буднично и четко:

- С сегодняшнего дня уроки у вас буду вести я. Зовут меня Порфирий Ильич. На уроках прошу не баловаться.

Мы его быстро полюбили. Во-первых, наверное, за то, что он не делал нам замечаний по делу и без дела, как другие учителя. И, во-вторых, за то, что он не повествовал надоедливо о своем военном прошлом. А были у нас и такие преподаватели. Теперь-то я знаю, о своих подвигах обычно талдычит тот, у кого их не было.

Раскрылся нам Порфирий Ильич в один ясный, теплый сентябрьский день. Природа начинала потихоньку, исподволь увядать, но тот день был все же летним. Хотелось бесцельно шататься, забросив поурочную нудиловку, хотя занятия начались совсем недавно. Порфирий Ильич как будто понимал наше настроение и в тот день предложил:

- А пойдете-ка, ребятки, сходим в лес.

Дело было в конце уроков, всем очень хотелось есть. Но мы все согласились.

И вот мимо родимых хат топаем в лес. А он у нас замечательный - дубовый, с подгоном орешника. Таинственный, немного страшный, духмяный, особенно после дождей.

Когда подошли к ложбине, где стоял взорванный тягач, кто-то предложил:

- Давайте играть в войну!

Порфирий Ильич прослушал нашу веселую перепалку, сказал:

- Ребятки, войну вы видели, давайте займемся другим. Будем собирать орехи и желуди, я вам расскажу о растениях - вы знаете, как много их в лесу!

Мы, разумеется, огорчились. Но горечь скоро подзабылась: к концу похода мы тащили домой по сумке орехов. Между прочим, Порфирий Ильич ни разу не присел отдохнуть, он был все время на ногах.

Словом, поход в лес нас приободрил и впечатлил. И уже потом, в школе, когда зашел разговор об этом паломничестве, школьный завхоз укорил нас:

- Дурачье! Что вы к нему приставали со своей дурацкой игрой в войну? Вы знаете, кто он? Он был командиром батальона, капитан. Весь избит. Вам-то не видно, а он весь в корсете. Так что с войной вы к нему больше не приставайте.

Вот тогда-то и стало доходить до нас, что к чему.

Порфирий Ильич! Поздним числом в своем далеком заповедье простите нас.

НОЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Июньская или июльская ночь. Тихо. Густо-густо рассыпано по небу звездное просо. За речушкой нашей, на том берегу, где разбиты палатки гитлеровцев, давно перестали горланить песни под аккордеон. Но мы не спим - тревожно. Каждую ночь что-то происходит. Все чаще навдываются наши самолеты, прицельно бомбят. В основном это «кукурузники». Потрещит, потрещит - глядишь, засветило: это падают бомбы. Ухают взрывы.

- Господи, только бы не в нашу хату! - крестится мать.

Нет, на хаты не бросают. Значит, разведка у наших работает толково: бомбы всегда валяются туда, где стоянки машин, или туда, где густо поселились солдаты.

В эту ночь над деревней повисли две осветительные бомбы.

В мертвецком их свете видно вокруг, как на ладони. Самолет кружит, выбирает цель. Зениток у оккупантов нет, считают, очевидно, зачем они тут, в глубоком тылу, передовая-то под Москвой.

И вот удаляется самолет в сторону леса, который зовется у нас Осенником. Через некоторое время оттуда доносятся содрogaющие землю взрывы. Три. Самолет ушел, осветительные бомбы на парашютах снижаются почти до земли, гаснут. Опять тихо, будто ничего и не было.

Потом в стороне города Орла вспыхивают лучи прожекторов. Их несколько. Они шарят по небу, перекрещиваясь, выписывают разные римские цифры. Может, ищут именно этот самолет, только что освободившийся от бомб? Там же в небо тянутся нити трассирующих бус - стучат пулеметы. Со стороны это красиво, а там?

- Ладно, идите спать, - гонит нас с порога мать. - Больше не прилетят.

И действительно, как по графику, прилетают - в ночь по рейсу.

Уже после войны мы ходили в Осенник посмотреть, где упали бомбы. Одна взорвалась в предлесье. Воронка огромная, достала до известняка. Вторая упала на опушке, в расположение немцев. Воронка такая же, огромные дубы вылетели из земли с корнем. Взрыв натворил, вероятно, много. Третья ударила в берег оврага. Овраг крутой, берег впустила до основания. До сих пор на круче можно изучать земные пласты... Узнали потом летчики или летчицы о своей работе?

ТРИ РАЗА МИМО

Мы жили у самой речки. У дома, ближе к дороге, делившей деревню вдоль на две части, росла огромная раскидистая ракита. Когда она зацветала, вся гудела от неимоверного количества пчел.

Однажды в обед под ней стали собираться оккупанты. Зачем - выяснилось чуть позже, когда солдаты и офицеры встали рядами на колени и перед ними появился армейский капеллан в церковном облачении. Был молебен: солдат отправляли на фронт.

И вправду, на второй день отдохнувшие тут войска отбыли. Сиротливо глядели на деревню с того берега реки квадратные ямы, над которыми совсем недавно возвышались палатки. Во многих была настелена солома.

И дернула меня нечистая сила пойти туда, шляться среди канав. «Может быть, что-то осталось там», - была простенькая мысль.

И я шатался, рылся в соломе. И вдруг! О, как она была изящна, как блестела! Мне это и было надо: на бруствере лежала забытая зажигалка.

Я схватил ее, озираясь, сунул в карман коротких штанишек, висевших на мне на одной пройме, и с колотящимся сердцем пошел прочь.

В это время по деревне шел офицер. Наверняка он видел, как я что-то поднял у бывшей палатки, заорал:

- Црюк!

Я посмотрел в его сторону: да, он кричал мне.

- Црюк! - повторил он.

У меня вмиг похолодело в груди. На ослабевших ногах я дал стрелка на пригорок, за которым тек маленький кругобережный ручеек, заросший ивняком, крапивой и всяческим бурьяном. На самом взлобке оглянулся - офицер ташил из кобуры пистолет.

Первый выстрел я слышал. Пуля чмокнулась в землю где-то позади меня. Второй и третий не слышал от охватившего страха, но расслышал зловещее «пуу!» совсем рядом.

Свалившись с берега на дно ручья, я еще долго бежал по нему от деревни, не разбирая дороги, пока совсем не изнемог. Исхлестанный до адского жжения крапивой, весь в белых волдырях, я забился в ивовую чащу. До самого вечера в ужасе смотрел на верхний край берега. Мне казалось, что вот-вот там появится тот, с пистолетом в руке, и пристрелит.

Когда закатилось солнце, я, дрожа и почти в беспамятстве, вылез из укрытия и долго огородами пробирался домой.

Заплаканная мать встретила новыми слезами.

- Ой, назова ты моя! - причитала она. - Да куда ж тебя понесло! Мы уж думали конец тебе и искать не знали, где.

Я виновато все выслушал. Трепки мне почему-то в тот раз не задали.

ВЗЛЕТАЛИ В НЕБО ЧУГУНЫ

Тоже после войны. Чудесила наша деревенская братия много, и большинство проказ было связано с оружием и боеприпасами. Этого добра валялось вокруг полным-полно.

Не все в деревне были хорошими людьми. Кое-кто еще до войны, как я узнал от ребят постарше меня, любили погарцевать хотя бы в маленьких должностях. Такие не очень-то церемонились с рядовым человеком, принуждали, делали пакости. Такое не забывается. Не забылось оно и тогда, когда наши лобановские вернулись из эвакуации. Голодно было. Ели, что Бог послал, а точнее то, что находили в огородах и садах. Бывало, как наступает вечер, все начинали готовить ужин прямо перед хатами, пристроив на таганах чугуны над кострами. Там и сям тянулись к вечернему небу дымы. Вот тогда-то и додумался кто-то из нашей бесшабашной оравы устраивать шуточки.

Надо сказать, к тому времени все мы были довольно опытными пиротехниками. Чего только не прошло через наши руки! Винтовки, автоматы, ракетницы, мины, толовые шашки, снаряды и черт ее знает, что еще.

Так вот, дымят костры. Пока готовится еда, мы слоняемся по деревне. А почему не слоняться, если свободы хоть отбавляй? А где свобода и безделье, там идеи.

И вот еще одна явилась.

- Давайте сунем такому-то под чугун патрон.

Идея поддержана. Патрон тут же находится, благо, что карманы полны всякой пакости. Пуля вынимается (нельзя, далеко летит, если бросить в костер), горлышко гильзы сплющивается и загибается. Гильза, разумеется, с порохом. Улучив момент, когда хозяев около костра нет, бросаем устройство туда и взапуски несемся прочь. Через некоторое время слышен взрыв и громкие взвизги.

- Ах вы, сукины дети, безотцовщина, голытьба проклятая! Последнюю картошку опрокинули! Пусть вас разорвет на куски, собачье племя!

Мы хохочем, а там еще долго звучат проклятья.

АПЕЛЬСИНЫ ИЗ МАРОККО?

Постоянно хотелось есть. Дома нечего. Лазаем вдоль ручья, сламываем толстые стебли каких-то растений. Стебли трубками. Если их очистить, трубки немного жилистые, но сладкие. Едим их до тошноты. Едим анис, щавель, дикий лук, космачи, полевой хвощ.

Набреедаем иногда на отходы, которые оккупанты выбрасывают в ручей. Среди всякого хлама привлекают оранжевые корки. Ароматно пахнут. Опасливо беру одну, выгрызаю из нее мякоть.

- Ребята, а не подохнем? - сомневается кто-то.

- Ну, фрицы-то их жрали!

Потом уже не выгрызаем мякоть, а просто корки моем и поедаем целиком.

Так что я прознал об апельсинах из Марокко задолго до Аксенова.

Были они из Марокко или других африканских краев - право, точно не ведаю.

ПО КУРИЦЕ - ОГОНЬ!

Прадед наш жил через дорогу от нас, на пригорке. С бабушкой. Деда нашего, Ивана Тихоновича, не было - перед самой войной он подался на заработки в Крым, там и застрелял. Иногда от него приходили молчаливые посылки с виноградом и другими сладкими вещами. В его хате на постое жил офицер. Его легковая машина всегда стояла под сараем, у самого сада.

Однажды его шофер сидел в ней и, по видимости, от безделья чистил пистолет. Двери машины были раскрыты.

Закончив, он собрал пистолет, вставил обойму. Рядом копались куры. То ли из спортивного, как говорят, интереса, то ли проверить убойную силу своего шпалера, шофер прицелился и выстрелил в курицу. Та, побрыкавшись, затихла.

Выстрел слышала бабушка. Увидев, что шофер угробил несушку, все на руках объяснила офицеру. Тот вышел, позвал своего автоездового и начал, естественно, по-своему, командовать. Шофер сорвался с места и рванул вдоль деревни. Последовала команда - он лег. Опять команда - встал. Снова приказ - бежит назад.

И таким вот манером гонял он водителя с полчаса, пока тот не вспотел и не дышал, как загнанный.

Под мерку «вражина» мы подгоняли и подгоняем до сих пор почти всех германцев. Нет, были, видимо, среди них и такие, кто верно понимал солдатскую честь и порядочность.

А разве шкуродеров не было у нас? Помню, как уже после войны, за рюмкой, мой молодой сосед, попавший на фронт в 44-м, похвалялся: «В Берлине залетаем в один дом, в нем два мужика. Руки подняли, прижались к стене, бормочут: «Франсе! Франсе!». Чесанул по ним из ПППШ - и дальше». Так вот ни за что ни про что погибли два француза.

У тупости и злобы глаза всегда незрячие.

КОЛЕЧКО

Сентябрь. Чудесные дни бабьего лета. Оставшийся в деревне народ весь на огородах - копает картошку. Наша семья тоже. Мать вилами поддевает картофельные кусты,

встряхивает. Земля осыпается, а с ней и картофелины. Мы с Витькой собираем их в ведра, ссыпаем в кучу. Работа нудная, надоедает.

- Мам, спина уже болит, - канючу я.

Мать все понимает.

- Ладно, идите побегайте, я одна покопаю. К вечеру можете таскать в погреб.

- Поможем!

Ах, какое это блаженство бродить по сельской окрестности просто так, без дела! День хорош, в душе хорошо, грудь распирает от безотчетной радости. Идешь, идешь конопляниками, овражком, все замечаешь, всему удивляешься, все отдается в маленьком сердце твоём тихой бессловесной и бесконечной песенкой. Забредешь, бывало, в чей-нибудь таинственно пустующий сад, походишь между яблонь и груш с надеждой найти в позолотевших кронах или в поблекшей траве плод. И обязательно находишь. Как они были непередаваемо сладки, эти последние яблоки и груши, случайно оставленные и давно перезрелые!

И думаю сейчас я, седой и состарившийся, а не эти ли вот шатания по печальным отдыхающим конопляникам, по задам за садами копили в сознании и сердце те лирические крупинки от подмеченного, которые, как угластые гранулы дымного пороха, вспыхнули потом во мне отчего-то и занялись непотухающим огнем стихотворчества? Ведь и поныне при воспоминании тех лет и дней сердце начинает биться глубокими толчками, душа затрепешет, заволнуется, память поведет по тем же тропкам, повторяя все до мельчайших подробностей. И пойдут-потекут с пера строчки, по чувству схожие с гимном той тяжелой, исковерканной войной, но все-таки светлой, до рыдания неповторимой поре.

Да, мать наша сердобольная отпустила нас побегать. Я заскочил домой, схватил горбушку хлеба, пару картофелин,

уплетая их на ходу, перешел через речку и подался на низину между огородами, обсаженными ракетами. Тут в свое время стояла вражеская часть. Земля была изрыта бункерами и окопами, их стенки уже оплыли и осыпались. Тут мы часто болтались, выискивая в траве патроны и прочую всякую всячину. Надо сказать, что находить что-то приходилось все реже, потому что сельский совет, видя, что все чаще из нашей братии стали калечиться, а то и вовсе отправляться в мир лучший, вплотную занялся сбором и изъятием припрятанного оружия и всего взрывучего.

Но мне на этот раз повезло: на дне окопа лежала какая-то штучка с изогнутой пластинкой сбоку. В конце штуки был вставлен шплинт. Один конец его был разогнут в стороны, ко второму прикреплено колечко. Замечательное колечко! Оно-то меня и соблазнило.

Я пригнул усики шплинта друг к другу и выдернул его за кольцо из штучки. Что такое? Раздался легкий щелчок и из штучки пошел дым. Быстро смекнув, что дело швах, я бросил штуковину как можно дальше и, развернувшись, дал деру. Но не успел сделать и пяти скачков, как моя находка, не долетев до земли, рванула. Взрыв был не такой уж громкий, но на огородах многие оглянулись. А мне что-то ударило в поясницу и начало нестерпимо жечь. Я оглянулся, предварительно задрал рубашку. От поясницы шел дымок. Пошарив по ней рукой, нащупал какую-то влипшую в тело железку. Отодрал ее, посмотрел. Это было донышко от той самой штуковины. В донышке действительно тлело еще взрыввещество.

«Ранен!» - пролетела в мозгу подгибающая ноги мысль. Это был мой второй глубокий испуг после стрельбы по мне того офицера.

Забившись на печку в полупамяти, я проспал до самых сумерек. Обеспокоенная моим отсутствием мать обнару-

жила меня там, приказала слезать. Я во всем признался. Лупка меня и на этот раз миновала: как же, все-таки раненый.

Кстати сказать, боевое крещение себе я организовал, как теперь понимаю, взрывателем от гранаты-«лимонки».

«ГИТЛЕР, СТАЛИН - КАПУТ!»

Вспоминается немец-портной. Интересный был человек. Расположился он в нашей хате, в первой половине. Изо дня в день шил он одно и то же - длинные мешочки под гранаты, точнее для связок гранат. Были у немцев «лимонки» размером примерно со среднее гусиное яйцо, голубые. Так вот, сначала в этот мешочек опускались два «яичка» без взрывателей, третье - с ним. Мешочек затягивался шнуром, и связка готова.

Нас из хаты, разумеется, выселили. Кухню мы устроили под берегом речки, соорудив кое-какой навес. Ночевали в риге, благо, что в ней от зимы осталась солома.

Иногда мы ходили в хату за нужными вещами или посудой. Портной всегда оживлялся при нашем появлении, приветствовал забывшимся ему, очевидно, хорошо словом «тасвитанья» и начинал рассказывать с помощью мимики, рук и возгласов о своем фатерланде. Кое-как мы понимали, что у него на родине тоже есть дом и трое вот таких же пацАнов.

Всякий раз повествование о доме и детях он поворачивал на войну. Мы чувствовали, что он тихо, про себя проклинал ее, отторгнувшую его от семьи. Не его планидой, видимо, было завоевание жизненного пространства, а вот реальной перспективой могла стать гибель от такой же розовой пули, какую мы с Витькой увидели впервые в найденном нами патроне.

Когда он видел в окно, что к хате идет кто-то из офицеров, быстренько начинал налаживать свое шитье, заканчивая разговор одной и той же фразой, как молитвой: «Гитлер, Сталин - капут!».

Одинаково, значит, любил портной из рейха этих двух вождей.

КРАСНАЯ НОЧЬ

Просыпаюсь за полночь от тихого говора матери и бабушки. В хате необычный черно-красный свет. Он какой-то сам по себе - тревожный и страшный, залил стены и потолок избы. То кроваво густеет, то розовеет приглушенно.

Услышав, что я проснулся, мать тихонько зовет меня:

- Сынок, иди-ка погляди.

Ах, моя покойная умница-мама! Понимала она, что страшно глядеть мне на такие вещи среди ночи, но как будто сердце ей подсказывало, что наперекор всему должен я видеть это и запомнить. Как будто чуяло оно за пятьдесят лет вперед, что приведет эта красная ночь когда-то меня к столу, встанет багровым квадратом в окне и скажет: «Пиши меня!». Так и случилось...

Я, запинаясь пальцами ног о неровности пола, шлепаю к ним.

- Только к окну не липни, - добавляет бабушка. - Там эти по деревне носятся.

И я стал смотреть в окно. Картина была завораживающая и жуткая. Там, за садами, даже дальше - за конопляниками, между Поповым оврагом и Баличевом, что-то горело. Горело сильно и дымно. Кровавое зарево качалось, иногда блекло, потом с новой силой вставало в полнеба. Особую зловещесть зареву придавали клубы дыма. Отражаясь на них, краснота огня клубилась вместе с ними, уп-

лывала вверх, уступая место новым завихрениям. Казалось, это горит не что-то, а сама земля. Вот она горит сейчас там, между оврагами, потом вал огня пойдет сюда, на деревню, поглотит сады, потом хаты... Мне было не по себе.

- Мам, а что горит?

- Это, сынок, мужики хлеб жгут, чтобы врагам не достался. Партизаны, - сказала она непонятное для меня слово и, погладив по голове, ласково попросила: - Иди ложись, а то нагляделся - спать не будешь.

Та ночь врезалась в память на десятилетия. Не единожды снилась. Запомнилось и слово «партизаны». С ним потом будет связано одно трагическое событие.

«ПАРТИЗАНЕН!»

В марте дни становились ласковее, солнечнее, но морозы еще ерепенились. Во всяком случае двойные рамы наших окон были наглухо еще запакованы инеем. Но как бы там ни было, весна брала свое.

Оккупанты, наученные нашим бездорожьем, особенно в весеннюю непролазную грязь, решили, видимо, заранее позаботиться о собственной шкуре: они начали подворный обход на предмет изъятия растащенных лобановцами колхозных бестарок, ходков и прочего колесного транспорта.

В дом Макаровых подворник сразу не пошел, а миновав сенцы, устремился во двор. Открыл дверь и - о Боже! Между навозной кучей и забором несколько мужчин копали довольно большую яму. А в уголке у сарая пирамидой стояли винтовки.

Пришелец опешил, опешили землекопы. Кто-то из них опомнился первым, бросился к пирамидке. Но враг, не мешкая ни секунды, смекнув, что это за народ во дворе,

метеором пролетел сенцы, выскочил на улицу и не своим голосом начал орать одно и то же: «Партизанен!» и стрелять вверх. Бежал он по деревне потрясающие резво. Интересно, так или еще резвее драпал он потом после Курской дуги? А может, драпать не пришлось?

Поднятые по тревоге солдаты обложили дом Макаровых. Хозяев тут же забрали. Партизаны - а это были действительно они и копали для себя землянку - в это время были уже далеко за околицей. Вразброс уходили они к лесу по взлобку между двух оврагов. Солдаты лениво постреливали им вслед. Вероятности попасть в кого-то не было никакой. Партизаны тоже не часто останавливались, вставали на колени, стреляли в ответ. Иногда пуля где-то рядом пропевала свое «тиу».

На этом переполох кончился. К взятым оккупантами родителям добавился их сын Димка. Он где-то на рытье окопов отбывал трудовинность, как на грех в это время вернулся в деревню. Женщины уговаривали его не появляться дома, схватят, говорили ему. Но он наивно твердил. «Меня не возьмут, я же не виноват. Меня дома не было».

Глупый Димка! Врагу были до лампочки все аргументы. Для них ты был тоже Макаров. И этого было достаточно.

Финал был страшный.

НИКОЛЬСКИЙ ЛЕС

До сих пор не знаю, где он находится. Кто-то говорил давно, что вроде бы на стыке Орловской и Брянской областей. Запомнился он не местоположением.

Нас, угоняемых на запад, небольшая колонна. Темная ночь и темный лес. Втягиваясь в него, погружаемся в эту двойную темноту, как в чернила. Недавно, очевидно, прошли сильные дожди. Глубокие колеи дороги залиты водой, жижа хлупает под ногами. Мы с братом давно поте-

ряли сандалии, ухватившись за вещи, лежащие на тачке, шлепаем босиком. Тачку со скарбом везет мать, бабушка иногда ей помогает.

Над лесом вспыхивают зарницы, иногда взлетают ракеты. Где-то за ним глухо ворчит канонада.

Вдруг над нами, а точнее, через нас с шелестом и подвывом начинает лететь что-то огнехвостое. Немцы-конвойные, перепугавшись, начинают орать еще громче свое «шнель!», угощая нерасторопных прикладами. Вскоре за лесом начинается сплошной гул разрывов, на тучах мерцают красные отблески.

- «Катюша» поддает фрицам жару! - определяет какой-то знаток.

А нас все гонят. Хочется пить. Но где возьмешь воды в кромешной тьме? Черпаем кружкой жижу из колеи и пьем.

Мать все так же тащит тачку со скарбом. Сколько можно тащить? Она смертельно устала. Видя это, бабушка говорит:

- Насть, давай ее бросим. Если господь судил нам остаться живыми и вернуться, наживем.

Тачку оттаскивают в сторону, оставляют. Мать, порывшись в барахле, берет что-то с собой.

Ночь тянулась, как длинный, страшный кошмар. После нее оставалось дня два до хуторка Рожки, где мы отсились в одном погребе, заваленные хламом.

А через Никольский лес мы еще раз прошли на обратном пути после освобождения. Кругом зияли воронки, окопы, изредка виднелись землянки. Мать, рискуя напороться на мину, пошла в сторону от дороги в том месте, где оставили тачку. Она валялась там же, но пустая. Мать заглянула в одну из землянок. Среди всякого хлама, оставшегося от солдатского бытия, нашла наш окровавленный рушник - она узнала его по вышивкам. Все остальное исчезло.

САПОГИ

Его обнаружила Мария Тараканова, когда возвращалась с сенокоса и заглянула на знакомую ей с детства куртинку клубники. Убитый был похоронен кое-как, видимо, в спешке после боя. Собственно, он был просто присыпан землей. Из-под нее торчали сапоги.

Когда Мария рассказала об этом в деревне, один из мужиков, рябой и криворотый, стал настойчиво расспрашивать, где находится это на скорую руку захоронение.

- Да перед самой «лодкой», - пояснила Мария. «Лодкой» у нас называли продолговатый взлобок между двумя оврагами.

Дня через два, будучи с братвой таких же, как и я, в походе за шавелем, я отбился от ребят, пошел на то место, которое указывала Мария. Место захоронения нашел быстро - оно выделялось легкой чернотой на фоне яркой низинной травы. Из-под земли действительно торчали, но не сапоги, а костяшки ступней. А вскоре я увидел те самые сапоги на криворотом мужике.

ТАЙНА СВЕТЛОГО КОНУСА

Этот конус был действительно светлый, симпатичный и притягательный. В самом носике его был вставлен плексигласовый пяточок. Нашел его Васька Изоткин. А был это дюралевый, хорошо отшлифованный взрыватель то ли от авиабомбы, то ли от крупного снаряда.

- Брось ты его к черту в муравейник, - посоветовал Ваське кто-то из ребят постарше.

Васька поупрямился, но смертоносную игрушку действительно бросил в высоченный муравейник.

Но, говорят, у каждого своя судьба и своя смерть. Наверно, это так. Как иначе будешь думать, если Васька хорошо,

видимо, знал в нашем дубовом небольшом лесу ту муравьиную кучу и однажды сходил в одиночестве в лес и принес тот самый светлый конус домой.

Было тихое майское предвечерье. Усталое солнце катилось на покой за конопляники. Основной деревенский народ был еще в поле, но трое стариков-севачей уже вернулись. Они сидели на завалинке, как на грех, изоткинской избы, курили самодельную махорку, кашляли и неспешно обсуждали дела колхозные и свои.

Именно в это время Васька вздумал порыться в злополучном конусе. Он сел в избе под окном и начал в нем ковыряться. В это время в хату вошел его меньший брат. Увидев, что делает Васька, он со страхом сказал ему:

- Васька! Не ковырай! Взорвется!

- Да ну! Я сейчас его разберу.

В конусе шелкнуло, из него пошел дымок.

- Бросай под печку! - крикнул в ужасе меньшей и бросился вон из хаты.

Не успел он и дверь закрыть, как в хате рвануло. Меньшому очень больно обожгло чем-то руку. Выскочив на улицу, он увидел битое стекло у завалинки, старики-севачи на четвереньках ползли в страхе в разные стороны.

Вскоре они опомнились. На взрыв, оглушительно прозвучавший в тихом предвечерье на всю улицу, прибежали люди. Вся деревня знала: если где-то рвануло, там всегда беда. Не раз уже такое бывало.

Забегали в хату. В ней стоял едкий тротилловый дым. Стол от окна был отброшен и опрокинут. Лавка, на которой сидел Васька, была перебита пополам, сам он лежал между ее раздробленными половинками.

Его вынесли на улицу. Васька лежал вверх лицом на ярко-зеленой лужайке. На месте живота была пустота. Будучи, видимо, в памяти, он просил пить. Принесли воды, при-

подняли голову, дали попить. Васька пил, а вода выливалась в ту кровавую пустоту вместо живота.

Кому-то стало невмоготу, и он побежал за угол хаты. Многие бабы всхлипывали. Мы, лобановская босота, тоже стояли вместе со взрослыми, позади них, боясь смотреть на умирающего Ваську.

Когда он затих, тетя Ефимия, рыжая, очень строгая женщина, начала нас по одному ловить за шкурки и через людское окружение просовывать вперед, приговаривая:

- Вот, глядите, сукины дети, к чему все это приводит! А вы вчера весь вечер в Поповом овраге бесились, стреляли. Вот, глядите, чем все это кончается.

Мы старались вырваться, но она держала крепко, надеясь, вероятно, что мы из увиденного извлечем нужный урок.

На похороны Васьки пойти мне не хватило духу.

А БЫЛА КРАСАВИЦА...

Солнечный, благодатный, с легким ласкающим ветерком июньский полдень. Я иду с бабушкой на ее делянку проса, которую ей отвели для прополки где-то за оврагом. Она ведет меня за руку этим оврагом, более похожим на небольшую долину. Дорога от нечастой езды по ней заросла спорышом. Моим босым ногам так мягко и приятно!

В одном месте в разливе разнотравья так много цветов! Бабушка ласково говорит мне:

- Пойдем-ка, внучек, зайдем сюда, тут много аниса, нарвем-ка давай на дорожку.

Что такое анис - я не знаю. Бабушка быстро нашла его, показывает мне, какой он, чтобы и я учился отличать его от других трав. Эти ее знания я оценил позже, когда приходилось не раз хворать разными болезнями. Сколько раз

отпаивала меня, да и брата, чаями и настоями она из этих самых трав. Всегда у нас в чулане стены были завешаны пучками сухой целительной растительности.

Я брожу, спотыкаясь, в высоченной траве. И вдруг до меня доносится протяжный, необыкновенный какой-то и умиротворяющий звон. Мне кажется, так красиво и разливаемо звенит вокруг меня воздух, небо, трава, весь этот сине-желто-зеленый день. В моей душе, во всем теле занимается, как рассвет, тихий праздник еще незнаемого счастья.

- Баб, что это? - спрашиваю я бабушку.

- А это, внучек, в церкви звонят.

Я не знаю, как в ней звонят, но церковь я видел из окна нашей избы. Она стоит за деревней, на взгорье. Высокая, с какими-то светло-желтыми луковицами наверху, а еще с крестами. Особенно красива она была по утрам, когда восходящее солнце уже начинало освещать ее.

Это было перед самой войной. В первый же день оккупации церковь была взорвана. Красавица она была, говорят, неопикуемая. Во всяком случае, поблизости в округе подобной такой не было.

И вот остались от нее лишь груды битого красного кирпича, да и его потом мужики разобрали на свои житейские нужды. Чистое место теперь там, где она стояла. Но остался в моей памяти плывущий из того июньского полдня благостный качающийся звон. И звучать он будет, видать, до моего смертного часа.

ИСПОЛНИТСЯ ЛЬ ОБЕТ?

Дороги и тропки нашей жизни. Как иногда неодолимо захочется вдруг пройти снова по ним через пятьдесят с лишним буйных, серых и необычных лет! Как там, что там, куда они нас когда-то приводили? О, как хочется, чтобы,

проходя по ним вновь, вздрагивало истрепанное временем, стареющее сердце! Как хочется снова пережить те первоначальные миги радости и горечи, первые потери, первые узнавания и открытия этого мудрого и жестокого мира!

Нет у меня сегодня выше желания, чем пройти или проехать дорогой нашего печального шествия в гитлеровскую неволю, шествия, которое, к счастью, закончилось в погребке того незабываемого хуторка Рожки. Дано ли исполниться моему обету, данному когда-то втайне самому себе? Бог весть. Надеюсь. Ведь надежда исчезает с Земли последней.

ПОДРАНКИ

Мысль эта к Степану пришла великолепным сентябрьским утром после охоты. Впрочем, все было так.

Было около полудня. Утки почти не летали. Изредка с полей появлялась стайка, но до края озера, туда, где в камышах стояли Степан и другие охотники, они не доходили, а, совершив несколько разведывательных кругов, шумно садились на внутренний плес.

- Вы-хо-ди! - раздался голос, приглушенный камышами и расстоянием. Следом длинно просвистели - условный знак: охота кончилась.

Вскоре на берегу, поросшем жесткой травой, выгоревшей за лето до белизны, собрались все. Пятеро. Кто-то укладывал в рядок добытых уток, кто-то, кряхтя и поругиваясь, снимал сапоги, кто-то просто, опрокинувшись навзничь, курил.

- Ну, стрелки, кто сколько взял? - весело спросил Славка Крамер. - Наверно, по мешку наколотили?

Надо сказать, самому Славке постоянно не везло. Больше трех уток он никогда не добывал. И на этот раз в удавочках, прицепленных к патронташу, болтались две невзрачные шилохвосты.

- А у меня опять одни подранки, шесть штук ушло.

В прошлую охоту у него ушло четыре, зато добыл он на одну больше. Постоянно сетуя на неудачу, число тех и других уток Славка регулировал, как и подобает настоящему охотнику.

- Отчего это? Может, дробь мелковата?

- А ты какой бьешь? - спросил Игорь Лучин.

- Тройкой.

- Нормально. Я тоже тройкой. Вон четырнадцать штук взял.

Степан помолчал потом сказал:

- Да ребята вот станут Продольное замерзать, эх, сколько Степанке тут будет! Вот бы по ледку потом сходить сюда, а? Все помолчали. Степан тоже ничего не сказал, но мысль ему понравилась.

- А что, - подумал он, - стрелять не надо, взял с собой дробь и глуши подранков сколько хочешь».

И ему представилось, как он будет носить домой уток связками на зависть соседям и сотоварищам по охоте. А ведь те будут знать, что дичь вся уже отлетела.

Мысль, как гвоздь, вбилась в Степана. Она все чаще навещала его. Миновал сентябрь, пошел октябрь с хорошими заморозками по ночам. К середине месяца ледок в камышах за день уже не успевал растаять. Степан стал замечать, что он мысленно торопит ледостав. У него даже появилось нечто похожее на боязнь или зависть - как бы кто другой не опередил его.

И вот за день до святого Луки мороз подпрыгнул до тридцати градусов. С севера потянул мерный обжигающий ветер. Первый снег был не за горами.

«Надо сегодня идти, - решил Добычин. - Если нынче не пойду, через два дня и полыньи закует - все пропало!».

Собрался торопливо. Люся, жена, заметила его скорые сборы, удивилась.

- Степа, куда это ты? Уж не на охоту ли?

- Да... - замылся он. - Как тебе сказать? Пройдусь на озеро.

- Что сейчас там делать-то? Озера-то замерзли. Ты лучше бы загон свиней поправил. Совсем разваливается.

- Успею.

Степана начинало раздражать вмешательство Люськи, как всегда лезет она со своими советами и увещеваниями не вовремя.

- Занимайся своим делом, - буркнул он и вышел из дому. День выдался хмуроватый. Небо залепили грязные клочья облаков. Ветер доносил с полей почти уже выветрившийся запах жнивья и умерших трав. Во всем чувствовалось предзимье.

Степан быстро дошел до озера. Было оно пустынным и печальным. О чем-то своем шептались камыши, бесконечно кланаясь и выпрямляясь под ветром.

Добычин ступил на лед. Тут, от берега, было мелководье, вода промерзла до дна. Сквозь прозрачный лед хорошо виделись разные коренья, ракушки, нити ярко-зеленой ползучей травы.

«Надо идти на плес, - размышлял Степан. - На нем воду рябит ветром, на середине она, наверняка, не замерзла. Туда, конечно, и сплылись подранки».

С полчаса пробирался к плесу, разводя перед собой режущий руки и монотонно шумящий камыш. Становилось жарко, а плеса все не было и не было.

Он появился сразу и неожиданно. Был плес довольно большой с парой неглубоких бухточек. Красивый плес. Но Степан отметил это мельком, его поразило другое: в середине плеса, как он и предполагал, была продолговатая полынья. Она кишела птицей. Кого тут только не было! И кряквы, и лысухи, и чирки, и северная. У противоположного края полыньи, тревожно напрягнув шеи, плавала четверка гусей.

У Добычина дух захватило.

«Сейчас, сейчас!» - азартно зашептал он и, держа на отлете захваченный с собой длиннющий кол, стал приближаться к полынье. Птица на воде сбилась в кучу в противоположном конце. Когда лед под Степаном начал потрескивать, он остановился, длинно свистнул и начал размахивать колом.

Птицы начали метаться. Некоторые, не выдержав свиста, изо всех сил взмахивая искалеченными крыльями, выскакивали на лед и, подчиняясь вековому инстинкту самосохранения, устремлялись в спасительный камыш. Но на льду утки скользили, их лапки разъезжались. И тут Степан сообразил: их надо же брать! И он ринулся вокруг полыньи.

Первой ему попалась чернядь. Отчаянно хлопая крыльями, она изо всех сил старалась добраться до камыша. Чернядь оглядывалась на приближающегося Степана, бусинки ее глаз были полны черного страха. Добычин коротко взмахнул колом, прозвучал чмякающий удар. Чернядь осталась лежать на льду с распластанными крыльями. Вытянутые назад лапки немного судорожно подергались и успокоились.

Степан вошел в раж. Он в общем-то легко догонял кричащих истошно уток и бил, бил. Уже около двадцати чернели на льду там и сям.

«Хватит. Надо взять гусей», - решил Степан. Но гуси были молодцы, они не старались в страхе выпрыгивать на лед, а как только Добычин приближался к ним, дружно, у самой кромки льда стремительно плыли в другой конец полыньи.

Гонка надоела и гусям, и Степану. И все-таки, улучив момент, когда гуси сплылись в кучу, швыром, как при игре в городки, он бросил в них колом. Бросок был настолько удачным, что Степан не поверил глазам: кол пришелся как раз по гусиным шеям. Один гусь, уткнув голову в воду, начал на боку давать круги вокруг себя, второй еле поднимал от воды вытянутую шею, но снова бессильно опускал ее. Два других, опрокинувшись навзничь, бессильно семенили лапками в воздухе, иногда захватывая воду. Вода крупными каплями отлетала, шлепалась на серое пространство полыньи.

Разгоряченный небывалой удачей, Степан хотел сразу же лезть за гусями, но опомнился: кол плавал рядом с ними, доставать их было нечем. Он подождал, пока, гусей волной не прибило к кромке льда. Он немного прошел по направлению к полынье, лег на живот и стал ползти. Иногда останавливался передохнуть, тогда его глаза невольно вперялись в лед. Но если там, в начале, у берега, на дне была видна всякая всячина, то тут под ним чернела неизвестная толща воды да кое-где светлели маленькие пузыри воздуха, закованные в ледяные луночки теперь уже до весны.

Ближе к воде лед под Степаном начал потрескивать. Становилось жутко. Но шевелящиеся гуси гнали Добычина вперед. Оставалось совсем немного, полметра, казалось, вытяни руку и трофеи твои, и тут лед под ним не выдержал, с шумом и треском провалился.

У Степана от ледяной воды, хлынувшей под одежду и в сапоги, перехватило дыхание. От всей этой внезапности он как-то дико не то ухнул, не то взвыл. Гуси были забыты, хотя плавали рядом. Разгребая осколки льда, Степан развернулся, подплыл к ледяной кромке.

Тело его уже почти не чувало холода - одубело. Ноги не слушались. Он их не ощущал, но чувствовал, а точнее, осознавал, как тяжелый, тянущий вниз груз.

Надежда на спасение бросала Степана на кромку льда. Ему удавалось забросить руки на лед. На растопыренных локтях он пытался подтянуться, но локти скользили, кромка обламывалась, и он с головой уходил под воду. Выплывал - и все начиналось сначала.

Отчаянье и страх выжимали последние силы. Говорят, у человека перед смертью в глазах кадрами хроники пролетает вся жизнь. «Ерунда, все это не так», - Степан только на миг иногда видел укоряющее лицо Люськи. Еще же перед глазами мельтешили скользящие по льду утки, кото-

рые сейчас побитыми и ненужными лежали вокруг полыньи.

Чувствуя, что он совершенно обессилен и что наступает конец, Степан собрал последние силы и закричал:

-Спа-си-те-е-е!

Но кто мог спасти? Один Бог, если он был. Но Бог смотрел со своей недостигаемой высоты и молчал.

КАРА

У меня в огороде кучкой девять взрослых тополей. Назойливо вспоминается название фильма «Три тополя на Плющихе». Разница – тут девять, и не на московской улице, а у меня на огороде, в глухом ауле. В тополях – скамейка для отдыха.

Однажды выхожу утром, на скамейке – галчонок, синеглазый, с очень короткой прической на макушке.

Первый же инстинкт охотника – поймать. Пока нерешительно раздумывал, галчонок коротким перелетом перебазировался на прясло. Снова подошел к нему, без труда поймал.

Галчонок был голоден, худ и слаб.

- Ну, Кара, - дал я галчонку тут же прозвище, - пойдем-ка поправляться. А где же твои взрослые галки-палки? – спрашиваю Кару, поднимая ее к самому лицу.

Не мигая, смотрит мне в лицо, молчит.

Добыл козявок, дождевых червей, нарезал мяса, накрошил мелко хлеба, приготовил воду, пипетку. Начал кормить. Иногда Кара корм проглатывала, иногда спешно выплевывала, брыляя головой.

Когда поняла, что я делаю стоящее, глотать стала чаще. Повеселела. До вечера перелетала с вещи на вещь, липла к занавескам. Спать уселась засветло на перемышке железной кровати в головах.

Утром следующего дня я еще спал, Кара звонко и горланно будила меня. Проснувшись, увидел ее на столе, смотрящей в окно. Там пролетали грачи.

Увидев, что я завозился, перелетела ко мне, все так же настойчиво выкрикивая свое «ка!».

Встал, покормил, попоил, поднес ложку густой сметаны. Кара самостоятельно стала клевать, испачкалась, удела-ла заодно и меня.

Сытая, до обеда все время липла к занавескам, стучалась в оконное стекло, шебаршилась. «Нет, все-таки надо отпустить, - решил я. Я понимал галчиное сердце, ее тоску по родителям. – Там ей будет лучше. Да и когда мне с ней заниматься?».

Я раньше знал, что галчата приручаются быстро и надежно. Но мне с Карой заниматься было некогда в самом деле, хотя она и начинала скрашивать мое одиночество.

Вынес ее во двор. Кара нетерпеливо дернулась в ладонях, будто предчувствуя свободу.

- Ну, лети! – подкинул ее.

Кара обрадовано полетела и, как мне показалось, полетела более уверенно и устойчиво, нежели два дня назад.

Моментально, будто караулили момент, со всех сторон с гвалтом налетели взрослые галки. Их было пять или шесть, они взволнованно кричали, кружили вокруг Кары, словно подбадривая. И Кара летала по кругу, забираясь все выше и выше в небо. Вот их вся стая уже выше тополей. А взрослые все подбадривали и одобряли. Не знаю, были ли это для Кары чужие птицы или из ее клана, так сказать, но они увлекали ее все выше.

Наконец, они сместились от моего дома и полетели в степь, где долговязо шагали опоры высоковольтной линии.

Прощай, Кара! Прощай, галочка!

ТУСОВКА

Жара спадала. Я сидел на крылечке, не спеша курил, обдумывая свои дела. Передо мной стоял столб ограды с неширокой трещиной вдоль. Я все время невольно останавливал взгляд на этом столбе. Как и везде, на нем шла своя жизнь.

Первой увидел обычную муху. Но от комнатной она отличалась тем, что на ней была серая полосатая кацавейка. Муха елозила по столбу взад-вперед.

Сверху к ней подползал «солдатик». Знаете, таких густооранжевых козявок, во множестве обитающих на завалинках сельских хат, на штакетнике? Они плосковаты. Когда смотришь на их спину сзади, видишь: глаза будто из-под военной каски. За что они и получили, наверное, свое название.

«Солдатик» промчался мимо мухи, мало обращая на нее внимание. Снизу из травы появилась маленькая, страшно шустрая, салатного цвета козявка. Она была суетлива, как городская базарная спекулянтка. Увидев на пути муху, «спекулянтка» ринулась ради любопытства к ней. Что-то будет! А ничего. Муха отскочила, салатная букашка помчалась по своим делам. Мухе наскучило на столбе, она улетела.

Появился муравей. Навстречу ему ползло неведомое мне насекомое, чернея золотистой латкой в конце спины. Козявка была похожа на саечку, такую же короткую и горбатую.

Они остановились рядом. Козявка замерла, муравей pokrutil усами, огляделся, помчался дальше. «Сайка» с достоинством поковыляла своим путем.

Эту тусовку на столбе можно было наблюдать без конца. Но не сама тусовка удивляла меня. Удивило то, что козявки вежливо уступали друг другу дорожку, никто никого не трогал, никто ни за кем не гонялся.

ЦАПЛЯ

Было за полдень. Дул несильный западный ветерок. Здесь, на восточном берегу, за дворами шумел легкий прибой, но пенных гребешков почти не было. Мелкие волны, подталкивая друг друга, спешили на отмель, хлюпая и чавкая в наплывах мертвого камыша. На озере было по-обычному шумно и уныло. Цапле у того, западного берега, видимо, не везло. Она решила перебраться сюда, благо купальщиков по всему берегу не было.

Она плавно опустилась в воду метрах в двадцати от берега. Вода ей доходила до колен. Цапля вытянула шею и стала - вся внимание. Она только изредка крутила головой по оси, чтобы получше рассмотреть, что там мелькнуло в волнах. Но там ничего не было. Да и откуда чему было быть? Лягушек нет, карась - не дурак, тоже забрался в глубину.

Цапля постояла «на тяге» минут двадцать, потом легко выпрыгнула из воды и перелетела на новое место, дальше, метров на сто. И опять терпеливо ждала добычу. Голод - не тетка, он заставлял ее, замерев, самоотверженно стоять и смотреть в колыхавшуюся желтовато-зеленую воду озера.

Нет, опять ничего. Сочувствуя цапле, я молил, чтобы хоть какой-нибудь задрипанный карась зазевался, подплыл к ней.

Цапля снова сменила место, но и там ей не везло: ни разу она не воткнула молниеносно нос в воду.

Она снова перелетела. Ее уже из-за расстояния было плохо видно.

Не знаю, удалось ли серой пополдneвать или пришлось натошак залезть в камыш на ночевку.

ТРУТНИ

Трутни - это мужики в улье. Мед они не заготавливают, только едят его. А существуют они в улье для того, чтобы оплодотворить матку. Как только свадьба состоится, рабочие пчелы, считая трутней тунеядцами, гонят их из улья, чаще - умерщвляют.

Вскоре после войны дед мой, Иван Тихонович, одному ему ведомыми путями добыл пчелиную семью, или, как говорили у нас, колоду пчел. Так как дедок был отличный столяр, то ему не составило труда достать липовые доски и смастерить новый улей. Нам, остальным домашним, вменялось в обязанность присматривать за ульями, главное, не прозевать летом момент роения. Так постепенно появилась у нас пасека. Дед приохотил меня к пчеловодству. Верхом блаженства для меня было крутить центрифугу, то есть выкачивать мед из рамок. Но речь пойдет об ином. В летние дни, когда мы не учились, я часто залезал в сад, где стояли ульи. Там, прячась в глянцевиной листве, любил целыми часами наблюдать за работой пчел. Теорию пчеловодства я знал неплохо. Но как интересно лежать в прохладной борозде и следить за летком!

Все шло своим чередом. Рабочие пчелы шли за взятком, их маршрут обычно лежал в «засаде»: там недалеко был овраг с цветущим разнотравьем - гречневое поле, которое начинало цвести. Это поле было главным местом их работы.

У летка обычно дежурили 3-4 пчелы. Они бдительно следили за тем, чтобы никто не проник в улей. Здоровущие мухи и осы, привлекаемые запахом меда, осмеливались иногда опуститься на леток, но, увидев не очень-то гостеприимно жужжащих часовых, тут же ретировались. Свои же родные пчелки-работяги весело пробегали мимо

караула, освобождались от груза переработанного на лету нектара, выползали из летка и опять летели трудиться.

Однажды я увидел нечто, озадачившее меня: пчелки попарно, под крылышки, выводили из улья своих собратьев, очень похожих на них самих, но намного крупнее. Выводимые упирались, но пчелки энергично тащили их, иногда подключались другие, кусали их, как бы подгоняя.

Выгашив здоровяков на скатную доску, пчелы чаще всего вместе с ними сваливались на землю, не отставая от них, подгрызая им под корень крылья или слегка ужаливая. Через некоторое время здоровяки затихали, обычно свернувшись рядом с собратьями, погибшими ранее.

Я рассказал об увиденном деду.

- О, это интересно! - улыбнулся дед. - Это пчелы вытаскивают трутней. Трутни - это мужики в улье. Мед они не заготавливают, только едят его, а существуют они в улье для того, чтобы оплодотворить матку. Как только свадьба состоится, рабочие пчелы, считая трутней тунеядцами, гонят их из улья, чаще - умерщвляют. Вот ты и видел это, внучек.

Словом, стал я свидетелем пчелиного геноцида. А такое, согласитесь, видишь не каждый день. Но горечи на душе осталось.

ВЕДЬМИН КРУГ

Не по рассказам знал: иногда грибы растут кругами. И, наверное, не узнал бы, если бы не стал страстным грибником.

Кругами, во-первых, растут маленькие, жилистые пуговички. Их всегда бывает много после дождей, а после обложных - особенно, и именно на лугах или на луговинах с густой травой.

И вот собираешь луговички, осторожно выпутывая их из густой, еще нескошенной травы, чтобы не раскрошить в пух и прах замечательные находки, и видишь вдруг: стоят довольно плотно и главное - образуют круг в метр-полтора, а иногда и больше. Подивисься увиденному, соберешь грибочки с «круга», а вскоре забудешь.

То же самое встретил в степи как-то около одного озера. Известно: там, где пасется скотина, полно шампиньонов. А тут увидел, что они устроились двумя большими кругами. Обрадовался, по-хозяйски срезал ножичком белых, специфично пахнущих толстячков, а сам все-таки суеверно подумал: «А почему же они так растут?». Но когда грибы, поджаренные, благоухают на всю квартиру, невольно забываешь поискать ответ на любопытный вопрос. А уж с самым настоящим «ведьминым кругом», как его величает народ, я встретился в костанайских лесах в июле. Дело было далеко за полдень. Косоватые лучи солнца хорошо высвечивали на опушках то обабок, то подберезовик, то стайку подосиновиков, запутавшихся в мелком хворосте и жестковатой траве, похожей на осоку, но более длинную и узкую. Вдруг послышался голос жены:

- Иди-ка сюда, посмотри.

Не мешкая, пошел.

- Ну и где чудо? - спросил я, видя под ногами то, что видишь обычно в лесу: негустую траву, лом сухих веточек, старую листву, алеющие кисточки костяники и в своих пятнистых ярко-оранжевых шляпках мухоморы.

- Смотри, осторожней ступай - предупредила жена.

И тут я пригляделся. Мухоморы всех возрастов, выбрав малюсенькую полянку, росли на ней идеальным кругом. Этот круг был очерчен полосой из грибов, ширина которой составляла сантиметров тридцать. По обе стороны полосы ни одного гриба не было.

Я молчал, удивленный увиденным.

- Это «ведьмин круг», - между тем пояснила жена. - Я где-то недавно прочитала.

Сколько же еще необъяснимого преподносит нам природа. Долго еще нам не разгадать всех ее загадок!

МАРАФОН ДЕДА ПАНКРАТА

Дед Панкрат охотник был страстный. В молодости, бывало, в охотничий сезон мог по два-три дня пропадать на озерах с одной горбушкой хлеба и парой луковиц. Это будто про него было кем-то сказано: хлебом не корми, а дай поохотиться.

В последние годы он, правда, сильно сдал, но при удобном случае и добром здравии все-таки иногда делал вылазки на зайчишек со своей неизменной облупленной тулкой.

В ту зиму, о которой пойдет рассказ, уж очень много было лис. Шастали они по буеракам и кустарникам рядом с деревней, иногда заглядывали и во дворы поживиться, чем Бог пошлет. Деревенские собаки отважно гоняли их, оглашая ночи истошным лаем.

Пришла как-то деду Панкрату мысль поохотиться на рыжих ночью из засидки. Делать ее он, конечно, не собирался, да и не под силу была бы ему эта затея. Задачу он решил просто: вывез в поле павшую овцу и бросил ее неподалеку от копны соломы. Дня три после этого ходил смотреть, появятся ли около привады следы. Они появились, наконец, к его старческой радости - наследили лисы густо.

И вот отправился Панкрат на вахту, надев перед ночевкой валенки и полушубок. Кое-как вскарабкался на копну, выдергал посреди нее что-то похожее на шурф и втиснулся в него. Пристроил на краю ружьишко, прикрылся сверху выдерганной соломой. Стал ждать.

Монотонно шло время. Никого и ничего не было. Дедку уже порядком надоело глазеть на приваду, на широкое поле, простирившееся за ней, на черневшие там и сям кочки зяби,

на деревню, видимую плохо, но угадываемую по редким огонькам, которых, кстати, становилось все меньше и меньше. Все это да еще не менее однообразное поблескивание снега под сильным и чистым светом луны клонило в дремоту. Сон в конце концов деда Панкрата одолел.

Сколько дед проспал, не знал. Проснулся оттого, что кто-то вспрыгнул на верхушку копны и начал разгребать над ним солому. Дед обмер. Он забыл даже о ружье.

В одно мгновение страх, словно катапульта, «выстрелил» деда из его уютного шурфа. Он не помнил, как кубарем скатился с копны, вскочил и широким аллюром помчался в сторону родной деревни. Он бежал так, как не бегал лет сорок-пятьдесят. Если бы в это время кто-нибудь со стороны увидел полуночный марафон деда Панкрата, наверняка напугался бы не меньше его и тоже бы, наверное, дал ходу, но в противоположную сторону.

Очнулся дед, когда, взмыленный, поднимался на родное крыльцо. И только тут ощутил, что - без полушубка. Где и как он его потерял, дед сам себе ответить не мог. Валенки были полны снега. Дед помнил, что он сколько-то раз падал, но по-армейски вскакивал и шпарил скачками дальше.

На стук в дверь бабка открыла быстро. Увидев запаренного деда, поняла, что дело тут неладно, но расспрашивать не стала, только поинтересовалась:

- А кожух-то где, Паня?

- Там, - неопределенно махнул рукой Панкрат и, кряхтя, полез на свои любимые полаты, что располагались под теплым всегда боком русской печи.

Наутро дед, вспомнив чуть ли не цирковое представление минувшей ночи, попросил соседа:

- Слышь-ка, Данила, пойдем, сходим к Длинной балке. Дело у меня там есть.

- Это можно. Я по хозяйству уже убрался.

Данила не только убрался, но уже и порядком набрался. Он с удовольствием согласился прошатнуться.

По пути к приваде они нашли дедов полушубок.

- Мой, - только и сказал Панкрат удивленному Даниле.

- А как он тут оказался?

- Было дело, - коротко отвечивал дед.

Около привады виделась толчея из лисьих следов. Их пересекал след валенок. Шаги были похожи скорее на прыжки антилопы.

Обходя место охоты, дед размышлял, что все-таки вчера случилось? Он взял с копны оставленное в страхе свое загадышное ружьишко, повесил на плечо. И, как опытному охотнику, постепенно картина ему становилась ясной.

Когда он уснул, к приваде пришла лиса. Услышала вдруг в копне шорох и посчитала, что в ней орудуют мыши. Сейчас, когда она была сыта, была не прочь поразвлечься, помышковать. Прыгнув на шорох, начала разгребать солому. Но шорох был не мышиный, а это, видимо, завозился во сне Панкрат. Воспрянувший ото сна дед лису напугал не меньше, чем она его. Та дала стрекача в поле, дед - в деревню.

- Ах, растудить твою качалки, - тихо произнес Панкрат.

- Ты это чего? - спросил Данила.

- Да так. - И дед засмеялся: - Пойдем, дорогой расскажу.

Вскоре дедова охота стала достоянием всей деревни. Когда его просили рассказать о ночных приключениях, он охотно, особенно под хмельком, рассказывал. Повествование свое всегда заканчивал одной фразой:

- А ведь провела она меня, рыжая стерва. И это меня, Панкрата Колупаева! Обидно, мужики. Не прошу себе этого ни в жисть.

О своем марафоне особенно не распространялся.

ДВОЙНОЙ ЗАРЯД

Забавно, знаете ли, наблюдать за поведением охотников дней этак за 10-15 до открытия сезона. В ожидании заветного дня терпение у них, вероятно, лопается, и они, не в силах сдерживать себя, начинают постреливать. По утрам, да и по вечерам в селе слышатся выстрелы. Стреляют в бродячих собак, в надоедливых, нагловатых сорок... Да мало ли во что может ухнуть распираемый нетерпением охотник.

Но стреляют без времени не столько для того, чтобы убить какую-нибудь животину, а сколько для того, чтобы снова услышать забытый за год грохот выстрела, ощутить такой волнительный толчок приклада в плечо. Ах вы камышовые, вечно шушукающиеся заросли! Что может так манить, как вы? Да ничто и никто. А первый вскид стволов и первая кувыркающаяся утка, как-то нехотя, но неумолимо покидающая небо? Кто может во всей полноте ощутить восторг первого удачного выстрела, тем более передать его? Никто, кроме охотника. Ему это дано.

Клим Зюзюкин в предохотничьи дни волновался не меньше других своих собратьев по озерным вылазкам. Он тоже суетился, но, как всегда, своеобразно. К слову добавим, был он от природы жадноват. Так вот, если кто-то смолил лодку, готовил патроны, подбирал компаньона, определялся, где отстоит первую зорьку, Зюзюкин начинал кланчить.

Вымогательство его всегда выглядело примерно так. Чтобы разжалобить встреченного, с кислейшей и трагичной физиономией начинал он сетовать на катастрофическую нехватку времени, а из-за этого в охотничьем магазине ему якобы не досталось дробин и капсюлей, и он теперь не зна-

ет, что же ему делать. Потом травил пару заезженных анекдотов и уж затем как бы между прочим спрашивал:

- Вась, у тебя какого калибра фузея? Шестнадцатого? О, у меня тоже! Слушай, одолжи десяток патронов, ты знаешь, на открытие охоты не с чем поехать.

Сердобольный, не знающий замашек Зюзюкина Вася патроны давал по простоте душевной, но просил вернуть гильзы.

- Какой разговор. Верну, - торопился заверить Зюзюкин. Но возвращать их он никогда не собирался. И таким вот способом к первому выезду обычно набирал патронов сотни полторы-две.

Но, как известно, спрятанное в мешок шило обязательно будет из него рано или поздно торчать. А уж среди охотничьей братии утаить что-то совершенно невозможно: что бы ни случилось среди нее, новость уже на следующий день разгуливает по селу, ну прямо как у Исаковского - от избы и до избы. Зюзюкин кому-то, видать, со своей ежегодной просьбой поднадоел и решил этот кто-то зло подшутить над ним.

...Край неба на востоке еле-еле начинал сереть, когда компания человек из шести, полусонная, редко перскидывающаяся самыми необходимыми фразами, погрузила амуницию в выдавший виды «Москвич», понеслась на Продольное озеро. В свете фар все окружающее казалось гиперболически необычным, самая простая полынь обочь дороги представляла зарослями какой-то нездешней мощной растительности. Вспугнутая сова, ныряя из-под фар в темноту, тоже казалась прямо-таки огромной. При виде ее у каждого начало учащенно биться сердце - ах, скорей бы до места! Скорей бы в камыши, выбрать поудобней позицию, не опоздать к самому густому лету.

Первым попросил остановить машину Зюзюкин. Он почти каждый год открывал охоту в этом месте. Тут, толь-

ко пролезь через камыши метров сорок, был узкий длинный плес. Когда-то это было чистое место и была тут дорога. Но озеро наступало, вода подошла к самой дороге, следом разрастался камыш. И вот уже несколько лет, как он перешагнул дорогу, не осилив заселить ее самое. И получился для уток очень уютный бассейн. До открытия охоты, когда еще не разражалась ружейная канонада, заглядывали сюда и гуси, да и казарки были не прочь пополосаться в безопасном затишье.

Зюзюкин подошел к плесу. Дохнуло сыростью и голодом. Спугнутые утки с громким криком и шумом поднялись и моментально скрылись из глаз. «Ничего, милые, - подумал про себя, - вы еще прилетите сюда. Вот сейчас устройсь...».

Он перешел плес, немного углубился в камыши, настолько, чтобы был хороший обзор, вытоптал небольшую круговину, зарядил ружье. Захотелось курить. «К черту! - сказал сам себе. - Начнешь возиться с куревом, обязательно проворонишь уток».

Первая появилась слева. Зюзюкин увидел ее лишь тогда, когда она села прямо перед ним, прочертив недлинный шипящий след на воде. «Для почина возьму сидячую», - мелькнула мысль, и Зюзюкин, качнув стволы, чтобы по от блеску их лучше прицелиться, выстрелил. Выстрел эхом покатился над камышами.

Утка немного походила кругами, шлепая крыльями по воде, но скоро затихла. В душе у Зюзюкина зацвела тихая, сладкая радость. Он верил: не промажешь первым выстрелом - охота пойдет хорошо.

И в самом деле, она складывалась отлично: часам к восьми на оловянной сини плеса там и сям бестрепетно маячили черные точки семи уток.

Неожиданное случилось вскоре, когда снова с левой руки на Зюзюкина нашла хорошая стайка шилохвостей. Непу-

ганая еще, она шла вдоль плеса. Зюзюкин, почти не целясь, ударил по ней из обоих стволов. Не увидел он, сбил ли что-то, потому что выстрел из второго ствола был такой оглушающе мощный, что его будто ветром сдуло с ног. Он грохнулся навзничь, ломая камыш и разбрызгав обжигающе холодную воду.

Ничего не понимая, он приподнялся. И, сидя в воде, продолжал соображать: что же случилось? Ныло правое плечо, ныли пальцы правой же руки. Кожа на многих была содрана, они кровоточили. В ушах плыл тонкий расплывчатый звон.

«Ружье! Где ружье?» - забеспокоился Зюзюкин и вспомнил, что оно, кувыркаясь, перелетело через него, когда он падал. От дурноты и охватившей его слабости он не мог стоять. Встав на четвереньки, начал шарить в воде вокруг того места, где только что лежал.

Наконец, ружье было найдено. Было уже довольно светло. Зюзюкин оглядел свою ижевку. Боже, что из нее получилось! Левый патронник был разворочен, цевья не было совсем. Шейка ложа была расколота за замками, последнее на ружье держалось на честном слове.

Водрузив остатки ружья на плечо, он, будто в состоянии глубочайшего похмелья, побрел на плес. С трудом выдерживая ноги из грязи, кое-как собрал уток и вышел на берег. Засунув искореженное ружье в чехол, повалился в жесткую желтую отаву.

Мысли в голове текли лениво и опять возвращались к тому, что произошло с ним полчаса назад. На душе было гадко и стыдно. «Стволами в грязь я ткнуть никак не мог, - текли рассуждения. - Тогда что? Остается одно: кто-то «подарил» патрон с двойным зарядом пороха».

И Зюзюкин начал вспоминать тех, кто давал ему патроны. «Любарский не мог, - текли дальше его мысли, - мы с ним живем хорошо. Калинкин тоже порядочный человек.

Трыкин до подобного не додумается. Это Чуркин! - вдруг глупо-обрадованно встрепенулся Зюзюкин. - Это тоже он сказал, когда я у него позавчера просил пяток патронов: «Осто.... ты мне, Зюзя! Свои пора иметь». Он, это только он мог подстроить!».

Порешив на этом, Зюзюкин как-то успокоился. Закурил, благо сигареты со спичками в нагрудном кармане остались сухими. И начал ожидать мужиков, уехавших на противоположную сторону озера.

Вскоре они приехали.

- Ну как? - спросил его Горбатов, валкой горильской походкой подходя к Зюзюкину.

- Вон, - Зюзюкин кивнул на связку уток, лежавшую неподалеку.

- Ого, неплохо. Мы слышали, как здорово ты стрелял спозаранку, а потом что-то перестал.

- Да хватит, куда мне их, - имея в виду уток, сказал Зюзюкин.

- И то верно, - согласился Горбатов. - Ну ладно, поехали.

Они втиснулись в обтупленный, выдавший виды «Москвич». Тот с места взял в карьер, неимоверно дымя и рыча полуоторванной выхлопной трубой.

Зюзюкин после этой поездки, говорят, патроны уже ни у кого не кланчил.

ПРОЗВИЩЕ

Было это года через два после войны. В Осиновке в февралю сдохла лошадь. От бескормицы. Сдохла неожиданно, под утро, как объяснил сторож Никита Горшков.

Падеж лошади в то время для колхоза был равен стихийному бедствию - каждая была на счету. Утром в правлении колхоза только и было разговоров, что о Дербиле, так неурочно отбросившем копыта. Председатель колхоза Трофим Егорович Кафтайкин, человек, привыкший ко всему, всклокоченный, краснолицый, в пиджаке, трещавшем по швам не от хилости его хозяина, смолил самокрутку за самокруткой и прикидывал, как теперь ему выкрутиться перед районным начальством. А спрос за околевшую лошадь, он знал, будет жестокий.

- Ну вот что, - Трофим Егорович поплевал на окурочек и запустил его в угол, где со вчерашнего дня валялись разные скомканные бумажки и шелуха от семечек, - рядиться тут нечего. Дербилу из конюшни надо убрать и куда-нибудь оттащить. Анатолий, - обернулся он к парню в поношенной телогрейке и подшитых валенках, - назначь-ка пару ребят, пусть куда-нибудь вывезут.

- Сделаю.

Анатолий Павлович Черняев хоть и был, как говорится, в сержантском чине - бригадиром, но никто Анатолием Павловичем его в деревне не звал, а просто - или Толик, или Павлыч. «Пошлю-ка я Ваньку Кочергу да Женьку Кобчика. Эти не зашебаршатся везти дохлятину».

С помощью сторожа и еще одного мужика, оказавшегося на конюшне, Ванька с Женькой запрягли сани, взвалили на них уже одеревеневшего конягу и повезли в поле.

Отъехав километра полтора от деревни, они остановились недалеко от стога сена. Стог был высокий, со снежной шапкой наверху.

- Давай свалим тут, - сказал Ванька и спрыгнул с саней. Дербила лежал в саях на боку. Ребята взяли его за ноги, поднатужились, и мерин, перекатившись через собственную спину, вывалился на снег.

- Хай тут лежит, - снова как-то печально произнес Ванька. Не только у него, но и у Женьки на душе скребли кошки, - им было жаль Дербилу. В свои четырнадцать лет им обоим пришлось хлебнуть горя досыта. Они знали, что Дербила был для колхоза палочкой-выручалочкой. Крупный, почти вороной масти, он всю свою лошадиную жизнь вез самую тяжелую работу. Особенно ему доставалось в весеннюю, да и в осеннюю распутицу. Бывало, надо отвезти на базар колхозных поросят, обязательно запрягали Дербилу, знали, что он нигде не застрянет, вытянет телегу из любой грязи. Надо привезти из лесу спиленные дубы - опять Дербила влезал в хомут. Правда, конюхи старались кормить его получше, но и доставалось ему за двоих, а то и за троих.

Ребята, возвращаясь в деревню, еще долго оглядывались назад. Там около стога одиноко чернела вздутая туша Дербилы.

- Слушай, Вань, а волки туда, ну, к нему придут? - вдруг спросил Женька.

- Конечно, придут. На днях Данила-охотник, тот, что в Старой деревне живет, рассказывал, что около фермы видел волчьи следы. Значит, ходят вокруг деревни, значит, придут и туда.

- Слушай, Вань, давай пойдем туда на охоту.

- А ружья?

- А что ружья? Двустволка у меня есть, а для тебя попросим у деда.

- А если не даст?

- Да ну не даст! Даст. У меня есть немного самодельной картечи и жакан. Патронов по пять зарядим и хватит.

- Главное, ты ружье у деда выпроси.

- Выпрошу.

Они молчали, не говорили до самой деревни. Каждый думал о предстоящей охоте. При мысли, что им, может быть, повезет и они ухлопают волка, что-то теплое и приятное подкатывало к сердцу.

Уже начинало сумерять, когда Женька закончил заряжать патроны.

- Это куда же ты готовишься-то? - спросила его бабушка Анна.

- На охоту, - ответил Женька и добавил: - На волков.

- Да ну! - то ли удивленно, то ли с иронией произнесла бабушка. Но скорей всего с иронией, потому что всегда, когда Женька приходил с охоты ни с чем, она улыбалась и говорила всегда одну и ту же фразу: «Как, охотничек? Вре-мя и ноги убил?».

- На ночь что ль? Один?

- Не, мы с Ванькой Вольским.

Он торопливо объяснил, куда они пойдут.

- Ох-хо-хо, греховодники, - вздохнула бабушка и ничего больше не сказала.

В это время, громыхая стилой дверью, появился Вань-ка. Женька вспомнил сразу, что им нужно еще ружье.

- Бабуля, нам нужно ружье. Можно взять дедово?

- А не поубиваете вы там друг друга, стрелки?

- Да что же мы, полоумные, что ли?

- Ладно, возьмите, вон там за перегородкой.

Они вышли на улицу. Солнце уже село. Над хатами стояли столбики белого курчавого дыма - топили печи. Завернув за угол дома, Женька юркнул в дедову столярку и вышел оттуда с длинным немецким штыком и половиной пашки. Из нее дед Тишка делал инструмент для обработки колесных ступиц, ножек прялок и других деревянных поделок.

- Держи, - подал он полшашки Ваньке, - на всякий случай. Сам закинул за пояс штык. Штык был тяжелый, ржавый и без ножен.

Всю дорогу они обговаривали, как надо будет стрелять, когда стрелять, если придут волки, как себя вести. Подойдя к стогу, они, помогая друг другу, сразу же начали карабкаться на него. Валенки скользили по сну, но кое-как, потные и запыхавшиеся, они все же вскарабкались наверх.

Ванька разгреб снег на самой макушке стога, выкопал засидку.

- Жень, ты копай на скате, ниже и правее - так мы не будем мешать друг другу.

Сначала было уютно. Пахло сеном. Мороз как-то не замечался. Они еще немного поговорили. Начало быстро темнеть.

И тот и другой изо всех сил вглядывались в окрестность, прислушивались, но никаких признаков волков не было.

Ближе к полночи в глазах стало мерещиться и рябить, начали плыть всякие картинки. Женька зажмурился и нагибал голову к коленям, картинки пропадали, но тут же начиналось все снова, одолевала сонная истома. Он слышал, как возился в своей засидке Ванька, потом затих.

Женька незаметно уснул. Ему снился страшный сон: стая волков, рыча и клаяца зубами, гонится за ним. Он бежит от них изо всех сил. В руках ружье, но он никак не может остановиться, чтобы выстрелить в них. Потом он все-таки останавливается, целится в переднего, самого агрессивного, жмет на курок, но выстрела нет. У Женьки морозно коже и волос дыбом. Он снова жмет и жмет курок. Потом, наконец, ружье грохает...

От грохота Женька вскочил, еще ничего не поняв спр-сонок, шмякнулся со стога. Сидя на сугробе, он соображал: от того, во сне, выстрела или от реального он проснулся? Может, Ванька все-таки стрелял? Ему было стыд-

но перед самим собой за то, что он так позорно уснул, еще стыднее было спрашивать Ваньку, стрелял ли он? Но Ванька выручил сам:

- Ты где там? - крикнул он сверху. - Ты знаешь, а я шархнул наугад. Мне кажется, кто-то подходил со стороны оврага. Утром посмотрим: если есть кровь на снегу, значит, попал.

- Пошел ты со своей кровью! - со злостью крикнул Женька, поднялся и вытащил из снега воткнувшуюся стволами двустволку - она съехала со стога следом за ним. - Идем домой!

Ванька явно с неохотой скатился вниз. Больше не говоря ни слова, они пошли домой.

Утром бабушка Анна спросила Женьку:

- Ну как, горе-волчатники? Ноги и время убили? Вы бы лучше охотились на зайцев. Вон нынче ночью в саду всю антоновку обчистили.

Женька промолчал.

На волков они с Ванькой никогда больше не ходили, но с легкой руки бабушки прозвище «волчатники» так к ним и прилипло и не отлипло, кажется, по сей день.

ПРОСТОКВАША

- О, ты уже примчал! - то ли осуждая, то ли удивляясь воскликнул Тютюкин, когда увидел сидевшего на старом диване у крыльца своего друга Петьку Шульгу. Они договорились съездить поохотиться на вечернюю зорьку. Тютюкин посмотрел на часы:

- Ты на целых полчаса раньше нагрязнул. А я, знаешь, запурхался. То воду носил, то свиней кормил, а сейчас вот решил пол на крыльце вымыть, после дождей столько грязи, а Людка не хочет браться.

- Да я подожду, ты делай свое дело, - сказал Шульга и, отвалившись, начал рыться в пачке «Памира», выбирая сигарету, которая поцелей.

«Людка не хочет браться, - передразнил про себя он Тютюкина. - Да она у тебя и никогда не бралась, кобыла. Обверхла тебя, вот что ты скажи, а стряхнуть ты ее с холки не способен. Ну и вкалывай поломойкой!» - без злобы, скорее, с горечью подытожил Петька.

А Людка, между прочим, хилой женщиной не была: с мощными мужицкими плечами, толсторукая. Она цвела здоровьем. Продолговатое ее лицо с крупным чувственным ртом говорило о повышенной любвеобильности. Это ее качество сильно подчеркивала и худоба Тютюкина. Одежда, рабочая, выходная ли, на нем висела всегда, как на колу. Кроме того, похаживали по поселку упорные слухи, что она усердно голубила не только своего худосочного Диму. Не знаю, любил ли ее Тютюкин, но то, что он руководствовался сомнительной мудростью - жена - не лужа, хватит и для мужа - было вне сомнения. Но жили они ровно, без скандалов, очевидно, прощая, друг другу несущественные шалости - она ему питейного, он ей гименейного свойства.

Тютюкин собрался довольно быстро.

- Мать, - крикнул он жене, - собери-ка чего-нибудь поесть.

- Дима, а что я соберу? Ужин-то далеко, я еще ничего не готовила, - откликнулась Людка и выплыла на крыльцо, тесня мощной грудью предвечернюю атмосферу.

- Ну хоть что-то найдется?

- Вон на столе простокваша и вчерашние оладьи. Дима, до вечера не умрешь.

«Не умрешь, не умрешь», - проворчал Тютюкин. Но делать было нечего. Он сел за стол, налил большой бокал простокваши, пододвинул к себе тарелку с оладьями.

- Ху, а кислящая! - поморщился, сделав первый шумный хлебок.

- Долго стоит, - невозмутимо пояснила жена. - Я хотела сделать творог, да все некогда.

- Ну да, государственные дела задавили, - язвительно бросил упрек Тютюкин.

...«Москвич» как будто был рад послеполуденной прохладе, бежал шустро, погромыхая чем-то в багажнике. Кусочек накатанной степной дороги, ответвившейся от грейдера, минут через десять уперся в фиолетово-багровую полосу, окаймлявшую Гусиную заводь. Багровела трава, своеобразная, похожая даже не на траву, а скорее на вертикально поставленные тоненькие сардельки. Трава эта всегда облюбовывает засолонцованные земли. На них она, особенно в дождливое лето, буйствует, поражая глаз своим цветом.

- Сразу будем заплывать? - спросил Шульга.

- Подожди, что-то желудок щемит. Впрочем, давай, гони лодку сюда.

Петька отвернул голенища сапог, не мешкая, побрел к камышам - там была их деревянная плоскодонка. Возился он недолго. Побросали в нее рюкзаки, чучела.

- Зорька хорошая, - довольный, проговорил Тютюкин. - Ветер. Утка должна низко ходить.

Петька промолчал. Он усердно нажимал на шест, толкал лодку к узкому проходу в камышах, о чем-то отчаянно шептавшихся.

Они шли уже по проходу, до плеса оставалось немного, когда Тютюкин попросил Петьку причалить к камышам.

-Живот крутит, - прокомментировал он вынужденную швартовку. На его лице появилась страдальческая гримаса: простокваша делала свое дело. Пока Тютюкин вылезал из лодки, над ними со свистом пролетало три стаи шилохвосток.

-Ну надо ж такому быть! - вскрикнул он и добавил изречение, которое и бумага не стерпит. - Корова! (последнее, по всей видимости, относилось к жене). - Петя, ты подожди, я сейчас.

Тютюкину было плохо, его тошнило. Но где найти место? В этом году зима была снежная, сейчас травяной покров с кочарником, по-местному лабза, затоплен водой, доходящей до колен.

Петьке было видно, как Димка подался к небольшому ивовому кусту. Он повесил ружье, потом взял в охапку несколько веток, пригнулся. Издалека вид был забавный: Тютюкин походил на петуха на шесте. До Петьки доносилось постанывание друга.

Говорят, рядом с нами всю жизнь околачиваются черти, стараясь сделать какую-нибудь гадость. Наверно, это так. Не прошло и десяти минут, как со стороны заката появилась шестерка крикв. Тютюкин первый заметил их.

-Стреляй! - крикнул Шульге.

Но тот крутил головой, никак не мог понять, откуда и что налетает.

Шульга так и не увидел уток. Пройдя над ним, они теперь неслись на Тютюкина. Это могли быть королевские

выстрелы. И Тютькин не выдержал, потянулся к ружью. Как только он немного нагнулся, ветки над ним зашевелились, как живые, и он потерял равновесие.

-А-а-а! - услышал Шульга.

Глянув на ивняк, увидел, как над кустом мелькнули Димкины сапоги. Ветки с шелестом выпрямились. Раздался глухой мягкий всплеск.

«Черт возьми, он же упал!» - смекнул Петька. Шумно продвигая ноги через осот и воду, поспешил к Тютькину. Тот стоял около куста, мокрый до нитки. В правой руке держал ружье.

-Ты понимаешь, ухнул спиной в болотное дерьмо. Ну ладно, с кем не бывает. Пойдем в лодку, надо воду из сапог вылить.

Вылив воду, посоветовались. Дальше охотиться смысла не было. Конечно, Петька мог, а Димка?

Причалив лодку, вылезли на берег. Тютькин снял с себя все, оставшись в одних плавках. Свернул все в узел, бросил в багажник. Потом снял с заднего сиденья покрывало, обернулся им на манер индуса, сел в машину.

-Включи печку, - попросил Петьку, - а то я до дома дам дуба.

И они поехали. Шоферы встречных машин широко раскрывали глаза и склонялись к рулю, когда видели во встречном «Москвиче» человека в необычном одеянии. Они, кажется, даже сбавляли газ, чтобы хорошенько разглядеть это диво. Тютькин же сидел невозмутимо, зная, что мимолетно его никто не узнает, а остановка и разглядывания исключены.

К дому с улицы подъезжать не стали, заехали с задов. Тютькин огородами пробрался в баню, Петька сбегал к Людке, попросил принести Димкину одежду. Как и о чем говорил потом Тютькин с женой, не знаю, но, уверен, разговор о простокваше был.

ВИШНИ

(рассказ моего ровесника)

- Как мы жили посла войны? Эх, вспоминать тошно. Мать работала в колхозе. Помню, вкалывает, вкалывает целый год без разгиба, а пойдем осенью получать за «палочки» - это тогда так трудодни называли – отваяют, бывало два мешка ржи и будь здоров. Хоть смейся, хоть плачь.

Особенно запомнились налоги. Их надо было платить деньгами, а где их возьмешь? Бывало, уполномоченные всю душу вымотают: что ни день, крутятся, как цуцки, в деревне, по дворам шастуют. «Послушай, дорогой, платить-то нечем», - отмахнется, бывало, какой-нибудь мужик и в сердцах такое добавит, что крапива у плетня скукожится. А уполномоченный каменно свое: «Ничего не знаю, надо платить, а не то землю по порог отсобачим». И шуршит бумагами в своей полевой сумке. Тогда все уполномоченные с полевыми сумками ходили, а еще почему-то в белых фуражках, ну таких, как у Сталина была.

Да-а, многое помнится. Но я хочу рассказать один случай.

Дожились мы как-то до того, что керосину для лампы купить было не за что. А керосин, надо сказать, был в то время штукой наиважнейшей. Есть он - сиди вечерами, сколько хочешь, нет - торчи впотьмах.

И вот как-то мать говорит мне:

- Коля, сынок, давай-ка наберем мы ведра два вишен, а ты съезди-ка в Орел на базар да продай их. Вот и будут у нас кое-какие деньжонки.

Согласился я не сразу. Ну какой к чертям был из меня торгаш - десять лет всего-то от роду, да и в городе никогда не бывал. Да что там, в городе, паровоза-то живого в гла-

за не видел, только иногда гудок его по утрам слышал. Километров пятнадцать от станции мы жили, гудок к нам долетал. Ну а потом подумал, представил, как я привезу денег, купим мы вдоволь керосина и будем зимой по вечерам посиживать, книжки читать. И вообще...

Короче говоря, набрали мы вишен в саду, мать ведра обвязала, связала их платком за дужки - это чтобы нести их мне было удобней наперевес. И как стала чуть-чуть брезжить утренняя зорька, подался я на станцию. Купил билет на последние гроши, какие мать насобираала, и поехал.

Ах, первая поездка на поезде!.. Разве это забудется? И она, а потом и город совершенно оглушили меня.

В Орле с вопросами, с расспросами добрался я на трамвае с моими вишнями до базара. Занял за прилавком место между двух теток. Одна из них тоже вишни принесла продавать, чего другая — не помню.

Только развязал я ведра, тут как тут покупатель. И самое главное, не к соседке справа обращается, а ко мне:

- Почем, сынок, вишенки-то?

Бог ты мой! Да откуда же я знаю, почем они. Стою, молчу. Он опять спрашивает. И тут-то я оробел окончательно, аж коленки задрожали. И стыдно стало. А знаешь, почему? Мужик, он, конечно, нормально про цену спросил, а мне показалось, что он, наверно, подумал: «Ну вот еще один, деревенский оборвыш, от бедности небось принесло сюда». К стыду еще и злость добавилась. Я глазами кручу и не знаю, куда их деть. «Швырнуть эти поганые вишни и домой», -мысль в голове бьется.

Спасла женщина-соседка.

- Все продают по полтиннику. Мальчик, ты согласен продавать по полтиннику?

- Да, - говорю как сквозь сон, а сам думаю, хоть бы кто-нибудь их, все задаром взял. Скорее только.

Мужику я отмерил. Гляжу, за ним еще несколько человек пристроилось. А у женщины никто не покупает. Осмелел я постепенно. Отмеряю стаканом вишни, а сам думаю насчет очереди: «Ну народ! Как овцы. Одна пролезет в огород, за ней лезется отара, хоть в огороде и ничего нет».

Распродаю свою продукцию быстро. Соседка по прилавку радуется за меня:

- Ну вот, мальчик, а ты стеснялся. Видишь, как все хорошо получилось.

«Ай, - думаю, - какой там хорошо! Никогда моей ноги больше не будет на базаре», - клянусь себе на всю оставшуюся жизнь. Но сказал ей «спасибо» и трамваем быстро на вокзал.

Он был уже восстановлен. У нас в деревне говорили, что его восстанавливали пленные немцы. Правда, на площади в сторону города еще лежали кучи битого кирпича и бетонных обломков, заросшие высоченным бурьяном.

Потолкался я по площади, узнал, что мой поезд идет часов в шесть вечера. Купил пирожков, попил ситра. А как поел, меня и начало размаривать. Захотелось спать так, ну прямо невмоготу. Сказалось, наверно, и пережитое, и то, что накануне совсем мало спал.

А где поспать? В вокзале, я знал из деревенских разговоров, спать не даст милиция. И подался я в бурьян, к той кучке строительного мусора, что была подальше от вокзала. Залез в бурьян, вытоптал лежку, чтобы не на голых кирпичах спать. И улегся.

В моем убежище было безветренно и уютно. За бурьянными зарослями гудел город, вякали сигналы автомашин, грохали буфера вагонов, доносились крики и смех людей. Но недолго я слушал этот разноголосый гам. Под щедрое пригревание солнышка крепко уснул.

Проспал я порядочно. Солнце было далеко за полдень. Я огляделся. Ведра мои порожные были тут же, только по-

чему-то стояли они порознь, хотя перед сном я их поставил одно в одно.

И меня окатила холодная догадка: ко мне кто-то подходил. Я машинально сунул руки в карманы брюк - денег не было. Правда, в левом было два бумажных рубля и немного мелочи, это осталась сдача от покупки пирожков. И остались они потому, что спал я на левом боку.

Было ясно: вытащил какой-то карманник. В то время они по вокзалам и поездом орудовали целыми стаями. Значит, он или следил за мной от самого базара, или наткнулся на меня, когда проходил мимо бурьяна.

В душе у меня такая злость закипела! И обида. Ах, если бы я знал, кто он. Попадись он мне... В «заведенном» моем мозгу рождались картины расправы с этим несчастным щипачем одна изощренней другой. Ползучий гад, он же лишил меня всего!..

Но делать было нечего. Совершенно убитый, поплелся я на вокзал, взял перронный билет, потолкался, поглазел на людей до прихода поезда и вскоре уехал.

Мать встретила меня с улыбкой:

- Ну как съездил, купец?

О, как же мне было стыдно перед ней! Но собрался я с духом и сказал, что деньги потерял. Не стал я говорить, что позорно их проспал.

Мать печально и участливо поглядела на меня, сказала:

- Ну что ж, сынок, ну потерял, ну и бог с ними.

Ах, мама, мама! Я-то знал своей зеленой головой, чего тебе стоило сказать эти спокойные, оправдывающие меня слова.

Сорок лет после того случая прошло. Матери моей уже нет на этом свете. Но знаешь, как вспомню все это, на душе у меня так муторно становится, что не нахожу себе места. И так, наверно, будет до конца моей жизни.

БЕЛЫЙ ГРЕХ

Солнце, необычайно красное, садилось медленно, нехотя. Широкий закат был под стать ему - малинов и густ. И казалось, что эта густота-то и мешала светилу погружаться в свое предпочтенное постоянное убежище. Был тихий и не по-сентябрьски теплый вечер. Во всяком случае для охоты лучшего вечера и желать было не надо.

Роман Черенков уже с час стоял на своем излюбленном месте. А место это было такое. Когда-то озеро Чебачье сильно высохло, вода отошла далеко от берега и вот уже лет пятнадцать не возвращалась. В семидесятых в район нагрянули водопроводчики и закипела у них работа - им райцентр нужно было соединить с Васильевским. Недолго думая, проектировщики предложили протянуть его как можно прямее, то есть по прежней, много лет сухой половине озера. Они, очевидно, решили, что таковой она будет веки-вечные. И водопровод проложили.

А года три назад после снежной зимы и проливных летних дождей Чебачье возьми да и пополнись так, что водопровод оказался в воде. И насыпь вала над ним превратилась сама по себе во вроде бы узкую полуторакилометровую дамбочку. Вода вышла почти к самому прежнему берегу. Правда, было около него мелко, и до колен вода не доходила, но именно это грезилось камышу: он в два года быстренько оккупировал все пространство дамбы. Вот тут-то и облюбовал себе место Черенко. Чистый плес, лежавший за дамбой, хорошо простреливался поперек, слева и справа он еще лучше просматривался. Так что появившиеся оттуда и оттуда утки Романа Федоровича врасплох никогда не заставали.

Сегодня ему не везло - утка на плес не шла. Она, прилетая с середины озера, доходила только до края плеса и как будто по чьей-то указке отворачивала.

«Придется ждать сумерек, - размышлял Черников, заку-
ривая уже пятую сигарету. - Кряква приходит с поля по-
здно, охота будет по темноте. Подождем», - подбодрил и
обнадежил он сам себя.

Время тянулось скучно и медленно. Солнце будто при-
липло к одному месту. Черенков иногда оборачивался в
сторону заката, солнце его слепило до разноцветной ряби
в глазах. И все-таки один раз, вот так же мельком обозрев
предзакатную сторону плеса, он в красноте солнечной
паутины заметил что-то летящее. Щурясь, посмотрел еще
раз. Не ошибся: что-то большое надвигалось на него над
самой водой.

«Бродячий гусь!» - обожгла радостная мысль.

Действительно, над Чебачьим частенько прилетали гуси-
одиночки, отбившиеся от стай. И, конечно, здорово везло
тем охотникам, на которых отшельники натывались - про-
махов не бывало...

От радости везения или торопливости, или оттого, что
режущий свет не позволял хорошо прицелиться, первым
выстрелом Черенков промахнулся, второй был точным.
Раздался шлепок тяжелого о воду. Некоторое время там
слышалось бульканье и плеск, потом все стихло.

Перезарядив на всякий случай ружье, Роман Федорович,
придерживаясь для равновесия за метелки камыша, по-
шел за добычей. Искал недолго: сильно притопленная, она
белела недалеко от плоского утиног гнезда. Роман Федо-
рович взял ее за перья, приподнял, затем взял левой рукой
за шею и совсем вытянул из воды. Он не понял, что у него
пробежало по телу: то ли страх, то ли высочайший ток
совести и жалости, то ли все вместе - добыча выскользну-
ла назад в воду. Это был большущий красавец-лебедь...

- Бляха, что же я натворил! - тихо проговорил Черенков
и в полной растерянности огляделся вокруг. Плес был по-
прежнему пустынен. Вода в подзакатной стороне была так

же малинова. Солнце так же испускало мириады лучиков, струящихся и мерцающих. Оно висело уже над самой водой, готовое погрузиться в нее и зашипеть огромной раскаленной болванкой.

Роман Федорович постепенно пришел в себя. Он даже обратил теперь внимание на частые выстрелы, раздававшиеся в глубине озера, метров за триста от него - там охотилась четверка шумных подвыпивших парней, заплывшая на двух лодках после того, как Черенков добрел до своего места.

Он лихорадочно соображал, что же делать? Видел ли кто из парней подлетавшего к Черенковской засидке лебедя? Чем кончится вся эта история? Неужели огромным штрафом и изгнанием из охотобщества? Не хотелось ни того, ни другого. Черенков боялся больше всего сейчас огласки, прослыть браконьером. «За тридцать лет не добыл ничего неразрешенного, и вот на тебе, влип», - горько думал он, стоя по-прежнему над лежащим в воде лебедем, проклиная и слепящее светило, и нынешний день, и свою природную подслеповатость.

Но делать было нечего. Черенков снова взял лебедя за шею, протащил метров тридцать по камышу и решил его притопить. Он начал собирать вокруг тину, перемешанную с остатками сгнившего камыша и всяким озерным сором. Это помогло - лебедь почти весь погрузился в воду. Теперь над ним возвышалась только небольшая горкахлама. Роман Федорович успокоился и вернулся на свое место.

Засумеряло, а потом и вовсе начало быстро темнеть. Охота была в самом разгаре. По краям озера там и сям ухали выстрелы, часто дуплеты. Эхо их перекатывалось над камышами от берега к берегу. Над Черенковским плесом тоже начали появляться утки, они проходили иногда над ним торопливыми пролетными стайками. Роман Федорович

стрелял, но как-то не так уверенно, как всегда, и все-таки четыре сбитые черняди кочками чернели на чистоводье.

Совсем стемнело. Летящих уток уже было не различить. Роман Федорович только слышал свист их крыльев да шлепки, когда они бухались в камыш на ночевку.

Появились над Чебачьим со своими гортанными каркающими выкриками выпи - озерные коменданты, как их называют в наших краях. Это верный признак: появились они - охота окончена, как говорится, сматывай удочки. Надо думать, именно за это, за всегда своевременное оповещение, как те коменданты в общежитиях, и получили прозвище.

И действительно, как всегда после их облета выстрелы прекратились. Четверка Романовых соседей, громко обсуждая, кто как охотился, шумно пробиралась проходом к берегу. Гремели шесты о борта их дюралевых лодок. На берегу их ждал ЗИЛ-130 и «жигуленок».

Роман Федорович сидел на сырой своей дамбе, курил, ожидая, когда возбужденная четверка соседей догребет до берега и уедет.

Всходила луна. Плес теперь латунно блестел с другой стороны. Лодки выплывающих были хорошо видны. Когда они выбрались на чистоводье, с одной из них послышалось:

- А я знаю, кто ты и в кого стрелял.

Черенков обомлел: это относилось, безусловно, к нему. Значит, парни все видели. Его окатил такой же страх, как давеча, когда он вместо сбитого гуся увидел лебедя. «Только бы не поперлись сюда проверять!» - откровенно трусливо взмолился про себя Роман Федорович. - А впрочем, кто рискнет ночью идти на вооруженного человека, затаившегося в камышах? - продолжал думать он. - Что там за человек? Все может случиться». Он вновь начал успокаиваться.

Четверка тем временем выбралась на берег. По-прежнему доносился приглушенный расстоянием говор, гремели лодки и охотничьи причиндалы, выбрасываемые в кузов самосвала. Через некоторое время донесся рокот мотора, хлопанье дверей, заалели задние фонари и удачливые, видимо, сегодня парни уехали.

Черенков остался один на один с озером. Луна поднималась все выше, латунь воды становилась все ярче. Тишина, покой и благодать облегли Чебачье. Лишь иногда эта умиротворенность нарушалась редким всплеском обеспокоенной какой-то птицы да резким вскриком кряквы. Вдали косматились огни поселка, краснел единственный глаз телевышки.

Посидев еще с час на глинистом валу, Роман Федорович выбрался из вязкого предбережья, сбросил с себя трофеи и ружье, закурил. Теперь он размышлял о том, как добраться до дома. Собственно, добираться не было проблемой - шагай берегом и все дела. Но он не был уверен, что уехавшие не высадили перед поселком десант или, пока он будет идти, не привезут на «жигуленке» егеря или кого-то из правления охотобщества. Самое же досадное было то, что он не узнал никого из четверки. Хотя бы узнать одного, тогда бы он знал, что была за компания, сориентировался бы, как себя вести в случае встречи с кем-то из них.

«А! Была не была!», - решил Роман Федорович, подвесил уток к патронташу, забросил ружье за спину, взял на плечо лебедя. Ноша была увесистой. Все это предстояло нести километра три.

Спотыкаясь в невидимых лунках, сделанных коровами в дождливую погоду, он шел уже около получаса. Вдали, левее поселка, замаячили очертания высоких берегов котлована, сотворенного некогда взрывниками у самого озера. Когда-то котлован был местом купания поселкового

народа, потом его почему-то спустили, решив, видимо, что люди будут чересчур чистыми. Сейчас он был сухим. На месте спуска воды зияла длинная глубокая промоина.

Почти перед самым котлованом чернел небольшой земляной курган. В свое время его нагребли бульдозерами, счищая вокруг верхний слой хорошей земли, которая предназначалась для огородов. Курган так и не вывезли. Рядом с ним образовалось что-то вроде лощины. Роман Федорович спустился в нее, огляделся. Сердце у него на миг похолодело: выше лощины, куда взбегал озерный берег, маячили две человеческие фигуры. Один из них вдруг присел.

«Пасут все-таки, как я и предполагал!» - Черенков остановился, некоторое время постоял. «Пойдут на меня или нет?». Все неприятное - и чувства, и мысли - отодвинулось назад, куда-то в глубину его существа, в нем начал разрастаться азарт, чем-то похожий на азарт разведчика. «Посмотрим, у кого поджилки крепче».

Фигуры не двигались. Тогда пошел Роман Федорович. Он скоро достиг промоины, поднялся вдоль нее, а затем быстро спустился в котлован. На дне его в обилии валялись автомобильные покрышки, а в одном месте какая-то железяка, служившая в свое время ныряльщикам вышкой. Он сгрузил все на нее, сам облегченно прилег рядом.

Если бы те две фигуры решили его преследовать, они бы появились - на фоне неба края котлована были отчетливо видны. Но никто не появлялся. «Или не пошли за мной вообще, или оторвались, когда я резко свернул у промоины», - размышлял Роман Федорович.

Полежав полчаса, хорошо отдохнув, он двинулся вдоль котлована, в другой его конец. Там, присев, долго слушал округу - ни говора, ни огонька.

Теперь предстояло пересечь грейдер, по которому, несмотря на полуночный час, сновали машины - из Василь-

евского выкачивали зерно на элеватор. Улучив момент, когда очередная машина была далеко, он спешно перешел грейдер и так же спешно удалился от него в степь. До поселка теперь было подать рукой.

На окраине Черенков завернул лебедя в фуфайку, оставшись в толстом зеленом свитере, закоулками начал пробираться к дому. Во многих домах окна светились, но на улицах ему никто не встретился. Он облегченно вздохнул, когда свернул в последний переулок, и задами под дружный собачий лай вошел, наконец, в свой двор.

- Ну что, охотничек, опять убил время и ноги? - с иронией спросила его утром жена. Вчера, когда вернулся с Чебачьего, он будить ее не стал, отпер дом своим ключом, снял доспехи и тихонько завалился спать на полу, благо в доме было тепло...

- Да нет, не только ноги. Пойдем, посмотришь...

Они вышли в коридор.

- Вот.

Ирина присела. Беря уток двумя пальцами, разворошила кучку, потом, повернувшись у нему, спросила:

- А это что?

- Ну что ты, не видишь? Лебедь.

Сидевшую на корточках Ирину подбросило, словно катапультой.

- Батюшки! - она хлопнула себя ладонями по бедрам. - Да как же это тебя угораздило? Ведь грех же их убивать!

- Прости, мать. Случайно все получилось. Ты же знаешь, что глаза у меня стали ни к черту, думал, гусь налетает, а вышло...

- И что же теперь делать? - спросила Ирина растерянно.

- Ты знаешь, что за него будет?

- Да как не знать... Подумаю.

- Подумаю, подумаю... - передразнила она беззлобно Федора, - думать надо было на озере.

- Ну, Ир...

- В общем так: я уток ошиплю, а его щипи сам и ешь тоже.

- Ладно, - сказал Роман Федорович ради того, чтобы хоть что-то сказать.

День для него прошел в сквернейшем настроении. Когда он шел по улице, ему казалось, что каждый встречный знает его нехорошую тайну, вот сейчас ткнет в него пальцем и скажет: «А лебедя-то ты ухлопал!». И если бы действительно кто-то сказал так, Черенков, наверно, сгорел бы от стыда, и пепел бы его провалился сквозь землю.

Прошла неделя, тревога продолжала сверлить его и преследовать. «Черт возьми! Так можно свихнуться», - сказал сам себе вслух однажды Черенков. - Сегодня же пойду к егерю». И он в субботний день отправился к нему.

Егерь Горанский в своем форменном камуфлированном костюме копался во дворе возле машины. Увидав Черенкова с возгласом «О!» прошел к нему навстречу. Поздоровавшись, сказал:

- А я вот в рейд собираюсь. Тормоза прокачивал. Сейчас надо заехать за двумя ребятами из РОВД. Тебя какая нужда привела?

- Да знаешь... - замялся Черенков. - Давай присядем.

Сели на сложенные под окном штабелем доски. Закурили. Помолчали.

- Знаешь, Андрюш, неделю назад я убил лебедя, - сказал, как выстрелил, Роман Федорович.

Гаранский полуобернулся к нему, посмотрел в лицо.

- Разыгрываешь?

- Да какой там к черту розыгрыш! Точно ухлопал.

Егерь не знал, что говорить дальше.

- Мать бы ее так, глаза подвели, - продолжал между тем повествовать гость. - Стрелял на солнце, посчитал его за гуся-отшельника, ну и свалил.

Гаранский крикнул, сплюнул после затяжки.

- Так что же ты хочешь?

- Андрюш, наказывай, как хочешь. Готов любой, даже двойной штраф уплатить, но поверь, не могу больше молчать, чувствую себя черт знает кем, всю неделю маюсь. Только сделай ради Бога так, чтобы никто не знал. А?

Опять помолчали.

- Роман Федорович, я не верю никак тому, что ты говоришь. Но если действительно такое случилось, то, чтобы оштрафовать тебя, надо составлять акт, а как я его составляю, если я ничего не видел, а главное, лебеда? Заочно? У нас так не делается. И потом, ну возьму я с тебя штраф, куда я прилеплю деньги без документов, к какой статье?

- Ну так что-то ж надо со мной делать! - исповедально произнес Черенков. - Ну должен же я хоть как-то, хоть чуть-чуть очистить совесть! Перед женой я ее, конечно, не очищу, попрекать, знаю, будет до гроба. Но то жена...

- Нет, Роман Федорович, делать мы ничего не будем. С кем чего не случается. Тебя я знаю как честнейшего человека и охотника. Иди спокойно домой, только договорились: ты о случае нигде ни слова, я - тоже. Затесали?

Черенков промолчал. Гаранский проводил его за ворота.

А еще через неделю Черенков снова пришел, на этот раз с ружьем.

- Вот, Андрюш, возьми мою пушку, продай комиссионно. Жаль, конечно, отличная ижевка. Но что делать?

И он больше ничего не сказал.

Так тридцатилетняя охотничья карьера Романа Федоровича была окончена им самим.

ВОЛКИ

Вся округа была потрясена случившимся, хотя и до этого постоянно кружили слухи: то у кого-то со двора овец умыкнули, то у кого-то пасеку разорили, то погреб обчистили... Уже больше года неуловимая банда безнаказанно грабила деревни. Имена главарей шайки были известны: Безменов и Рытин. Одно упоминание этих имен навело тоску и ужас, их не произносили вслух, будто каждый боялся накликать беду на свою хату. А тут такое...

В воскресный день ребяшня из Сенькина гурьбой поехала кататься на лыжах в Горелый овраг, что змеился недалеко от деревни. Не одно десятилетие дождевые и паводковые воды творили его. Постепенно вымывая супесь, они вырыли его таким глубоким, что, глядя с берегов вниз, становилось муторно. В этом-то овраге и увидели они санную упряжку. Лошадь была мертвой, ноги поломаны, как, впрочем, и сани, и оглобли. Но самое страшное, что привело сенькинских лыжников в оторопь, - это труп ветеринара Семена Федоровича Песоцкого. Поодаль валялись его шапка и облупившийся от многолетнего употребления кожаный портфель. Ребята, что постарше, преодолевая страх, осмотрели место трагедии, чтобы подробно рассказать обо всем в сельсовете.

Тут уместно будет немного сказать о Песоцком. Это был ветеринар Божьей милостью. Многолетняя практика сделала его среди жителей округа необычайно популярным. И в самом деле, в том, что касалось лечения животных, он мог все. Никто не знает, сколько спас он от гибели коров, лошадей и всякой другой животины, - последней надежды того или иного хозяина.

Конечно, за помощь уважительные мужики и бабы всякий раз старались отблагодарить Семена Федоровича. Не

обходилось и без водки. Песоцкий не был трезвенником, выпить любил. Иногда позволял себе, как он сам говорил, «бывать под турахом». Тогда он понадежнее устраивался в санках, если дело было зимой, а летом - в дрожках, и умная Карюха благополучно доставляла ветеринара домой.

...Председатель сельсовета быстро собрал человек пять-шесть мужиков, оказавшихся под рукой, съездил в Горелый, привез погибшего Песоцкого и тут же, написав подробную докладную, отправил ее с нарочным в район, в милицию.

«Как такое могло случиться? - размышляли в сельсовете. - Песоцкий, видимо, ехал в Рожки, объезжая Горелый овраг. Но не могла же лошадь, свернув с дороги, добровольно сигануть в него. Тут что-то не то. А что?».

Но размышлять долго было некогда, торопили похоронные дела.

2

Начальник милиции Акамелкин собрал срочное совещание, куда съехались все участковые.

-Вчера вечером я получил донесение из Сенькина: погиб ветеринар Песоцкий. Не знаю, что причиной тому, Крыжак из прокуратуры разбирается, но я склонен отнести это происшествие на счет банды Безменова. Его шайка по сей день висит камнем на шее нашего отдела. Из области упрекают, что мы в трех соснах не можем выловить бандюг. У кого что есть по этому поводу?

Поднялся участковый Ридер:

-На днях в одном разговоре я узнал, что Безменов и Рытин с дружками после удачных грабежей устраивают попойки у кого-то из церковников: то ли у пономаря, то ли у самого попа. Но точно пока не установлено.

- Установить, - как отрезал, сказал начальник. - В слухах всегда есть доля правды. Будем брать. Сейчас, зимой, это сделать легче. Летом они забиваются в чашу и оттуда действуют. Как вы помните, мы делали попытку найти их, но лишь потеряли двоих сотрудников. А пока все свободны. Заместитель и начальник УГР, оставайтесь...

3

Дом пономаря Версавия в Богородском стоял в конце проулка, упиравшегося то ли в запущенный, заросший рогозой пруд, то ли в болотце. Во всяком случае, дом этот стоял как-то нелюдимо, в него мало кто ходил из-за грязи вокруг. Когда Версавию надо было что-то привезти домой, повозки с трудом пробирались сюда по хляби да и то, если были запряжены хорошими, упитанными лошадьми. Редко кто из богородчан видел по ночам свет в окнах дома пономаря. Они постоянно закрывались ставнями, редко днями бывали открытыми. Жена Версавия, Антонина, почти не появлялась на улицах Богородского, а если и появлялась, то непременно делала визит попадье, проводила там часа два и снова, дородная, покачивая бедрами, возвращалась домой. Словом, жизнь тут шла уединенная, замкнутая.

Сам Версавий тоже мало бывал в деревне. Он больше копался в огороде или на пасеке, порой что-то мастерил во дворе. Под Рождество, довольно серенькой безлунной ночью, в доме пономаря по одному начали появляться люди. Шмыгнув за ворота, они находили тут радушный прием. Встречал ночных гостей сам Версавий.

- Проходи, братец, - ласково приговаривал он, - проходи в дом, тебя ждут.

Особенно приветлив он был с женщинами.

А в доме тем временем шло приготовление к пиршеству. Хозяйка и ее добровольные помощницы из гостей

сновали с тарелками и подносами, уставляя столы разной снедью. На столе было все, что душе угодно, на любой вкус.

Гости, расположившиеся кто где мог, отдыхали, курили, вели неспешные беседы. А куда и зачем им было сегодня спешить? Спешить следует при налетах. Сейчас надо расслабиться.

На диване, застеленном темно-зеленым бархатным покрывалом, расположился сам Безменов со спутницей Лелей, черноволосой, черноглазой красавицей. Говорят, что ее бабка была цыганкой.

Безменов откинулся на спинку дивана. Крупный, лет тридцати пяти, он был во флотской форме. На таких вот сходках для отдыха он предпочитал быть именно в ней. Из-под форменки выглядывала тельняшка - дань памяти службе на Балтике. Широкая, крутая грудь. От фигуры веяло мощью. Рядом с диваном, на гвоздике висела коробка с маузером. Безменов не расставался с ним нигде, даже в гостях. Остальные тоже вооружены: в углу, при входе в светелку, сложены наганы, стоят три карабина. «Ну что ж, гости дорогие, прошу к столу», - всплыла с самоваром улыбчивая Антонина. Она плотоядно и часто посматривала на Безменова. Ее наливные руки то и дело одергивают платье - она явно хочет, чтобы мужчины любовались ее соблазнительным дородством. Конечно, в сравнении с Лелей она выглядит второсортно, но знает, что не одно сердце по ней тоскует. Отец Версавий не ревнует: пусть баба покуражится, пофорсит, покажет себя.

Звенят золоченые бокалы с шампанским, рюмки с холодной, из погреба, водкой. Версавий на таких сходбищах не скупится: от Безменова и его людей ему перепадает немало. Старые, надежные сундуки трещат от добра. О харче и говорить не стоит - всего вдоволь. Все дармовое, принесенное. Пей, ешь, ребята! Однава живем! Одно тре-

вожит: не пронюхал бы кто о его связи с безменовцами да не тукнул бы легавым. Впрочем, все делается осторожно, с умом. И все-таки...

А застолье становится все шумней. Уже кто-то пытается налить водки из неоткрытой бутылки. Кто-то заплетается языком в который раз повествует о том, как они брали сберкассу... Звон, хохот, похабные анекдоты...

Время шло к рассвету. Многих гостей уже сморило. Сам Безменов хмелен в меру. Он никогда не переборщит. Ведь надо постоянно быть начеку, думать о братии, раз она доверила ему верховодить.

- Версавий, - Безменов грузно поднялся из-за стола, - мы, кажется, засиделись, уходить поздно. Заночуем у тебя.

- Конечно, конечно, - засуетился подвыпивший пономарь. - Голубчик, какой разговор! Места всем хватит. Тебе, Жора, как всегда комната готова.

- Леля, пойдем, - полуобнял свою спутницу Безменов. Подошел к притолоке, выдернул маузер, проверил магазин. Мягко ступая по коврам, они с Лелей скрылись за филенчатой голубой дверью спальни.

Некоторое время в доме слышались стук собираемой посуды и тихие голоса. Потом все смолкло.

4

...Лошадей оставили в лесу, перед начинавшимся болотцем.

- Карев, ты останешься при лошадях, - распорядился вполголоса Акамелкин. - Возьми карабин. Если кто-то будет уходить в эту сторону, стреляй без предупреждения, иначе могут ухлопать тебя. Все готовы? - обратился он к сгрудившимся у саней милиционерам. - Пошли.

По неглубокому пока еще снегу они спустились с пригорка, подошли к болотцу. Акамелкин по известным лишь ему приметам сразу навел участников ночной облавы на

еле приметную тропу и уверенно повел их по зарослям рогоза к дому пономаря. Шли гуськом. Каждый думал о своем, но об одном, пожалуй, все: как и чем окончится эта предрассветная вылазка? Кто мог сказать? Молчали высокие, зябкие звезды, молчал рогоз, недовольно шипевший, когда его кто-то ненароком задевал.

По ранее оговоренному плану быстро перемахнули через изгородь, разбежались к дому, к сараям, к омшанику в сад. Сам Акамелкин встал за углом дома, мимо которого шла хорошо расчищенная дорожка. Она через сад вела к дальней калитке. Калитка была сбита из штакетин. Разглядеть ее в общей ограде было непросто. Но хозяева дома и гости знали ее хорошо.

Рукояткой нагана заместитель начальника сильно постучал в дверь и встал боком возле притолоки. В доме слышался приглушенный шум. «Ага, забегали!», - подумал он, и волнение в ожидании схватки холодком пробежало по спине.

-Кто там? - слышалось за дверью. Это был пономарь.

-Открывайте: милиция, - как можно спокойней сказал Ступаков.

О сени вышел, видимо, не один пономарь: раздалось четыре выстрела. От двери брызнуло мелкими щепками. Там рассчитывали, что милиционер стоит перед дверью и будет немедленно убит.

Ступаков дважды выстрелил в ответ. В сенях молчали.

Вдруг со страшным треском и звоном вместе со ставнями вылетело угловое окно. Из проема начали выпрыгивать и разбегаться в разные стороны люди. Ступаков, не целясь, стрелял по ним. В сторону крыльца, где стоял Ступаков, ринулась фигура. Он жал курок, наган щелкал - выстрела не было: кончились патроны. А фигура промчалась мимо и скрылась за углом. Через секунду оттуда слышалось отчаянно-призывное:

-Сеня!

Звали его, Ступакова. Звал Акамелкин. В три прыжка Ступаков был за углом. В снегу в смертельной схватке сошлись двое. Внизу, из последних сил отводя вытянутую руку с маузером, лежал Акамелкин. Ступаков схватил лежащего на нем за волосы и дважды своим бесполезным наганом ударил куда-то в загривок. Рука с маузером упала. Акамелкин, тяжело дыша, вылез из-под бандита и, отряхиваясь, прерывисто сказал:

-Силен, сволочь! Сам Безменов. Сеня, если бы не ты...
В ночном саду шла перестрелка.

-Пойдем в дом, - сказал Акамелкин, - посмотрим на логово.

Вошли. Из вынесенного окна тянуло стужей. На кухне, у стола, сидели Версавий и Леля, прикрывавшая плечи большим пуховым платком.

-Ну что, козлиная порода, отжировал? - спросил Акамелкин и посмотрел на пономаря. Тот съежился, не ответил.

5

Суд был выездной. Судили шайку в Богородском. Вина всех была полностью доказана. Безменов и его друзья получили по заслугам. Трое из банды были убиты, еще троем удалось уйти.

Когда Безменова со связанными руками под конвоем вели к «воронку», проходя через толпу любопытных, он бодро крикнул:

-Здорово, земляки!

-Ты и после суда не уgomонился, жеребец? - ответил на это тщедушный старичок Филипп Петрович.

-А что мне унывать? Дальше солнца, дед, не угонят, больше пули не дадут.

-Ну-ну, бодрись. Волки вы, и конец вам волчий, - сплюнул Филипп Петрович.

Шел тридцать второй год...

САПОГИ

Много было разных встреч на моем веку с людьми, прошедшими через горнило войны, и у каждого была во многом совпадающая с общей, но все же своя, особая оценка страшного мирского бедствия, отложившего отпечаток на его судьбу, покалечившего и тело, и душу. Одна из них запомнилась особенно ярко, врезавшись в память деталями, о которых пел когда-то Трошин: «Трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких строчек в газете».

Молодой сотрудник районной газеты, я с жадностью искал «сенсаций вселенского масштаба», но заниматься в основном приходилось обычной журналистской рутиной, хотя главным для меня за сводками, отчетами, репортажами были люди.

Был канун двадцатилетия Победы. Понятно дело, требовался срочный материал о героях войны. Я получил задание и созванивался с райкомом партии о достойной кандидатуре для очерка. Вот тогда-то мне и назвали имя Курмана Нурушова, бывшего фронтовика, разведчика, чья боевая биография вполне достойна газетных строк. Время поджимало, и, вскочив в редакторский «газик», помчался я в Амангельдинский колхоз, затерянный среди бескрайних целинных полей.

Разведчик! Чувя журналистским чутьем удачу, ехал я по разбитым проселкам, вспоминая свою родную орловщину, поруганную фашистами, бомбежки, возвращение в родной дом, чудом оставшийся невредимым посреди почти выгоревшего дотла села, седого солдата в ватнике с подпалинами, накормившего меня гороховым концентратом из помятого котелка. Запомнился он мне на всю жизнь, какой-то печальный, уставший, с

двумя нашивками на правой стороне гимнастерки: желтой и красной. Уже потом я узнал, что это были не награды, а нашивки за ранения.

Под эти печальные воспоминания доехал я до места назначения, вошел в здание конторы, думая, что управлюсь быстро, взяв интервью у героя-фронтовика, и еще засветло вернусь в редакцию, чтобы успеть сдать материал для утреннего номера.

Не тут-то было. На мой вопрос, на месте ли председатель (Курман Нурушов возглавлял тогда колхоз), молодая секретарша взглянула на меня, как на инопланетянина, не имевшего представления о делах земных, и ехидно, как мне показалось, нравоучила:

- Он в конторе только рано утром и вечером, в остальное время он с людьми.

Слова ее тогда меня удивили. Люди – понятие растяжимое. Мало ли! Не знал я, что Курман Нурушов был с людьми то на току, то в коровнике, то на пастбище, то на стройке, и поймать его было нелегко. Часто доставалось ему за это от районного начальства, потому что «не сидел на телефоне». Это тоже я узнал потом.

- Делать нечего, поеду искать, - сказал я секретарше, но та, чтобы облегчить мою задачу, смиростивилась:

- Езжайте на машдвор. Он там мужиков «чистит», подгуляли немного вчера.

Приехал на машдвор, ожидая увидеть типичную картину, не раз виденную мной во многих колхозах и совхозах: грозные крики, разборки, нахлобучки, красные физиономии мужиков, сочные слова, понятные только нашему менталитету. Уже рисовался мне образ такого Ивана Грозного, мановением руки отправляющего людей на распыл. Но увидел я нечто совершенно другое.

Председатель, а это был именно он (на него мне кивнул молодой парень), по локоть в солидоле наравне с

работягами возился возле тракторного мотора, деловито орудуя ключом и промокая потный лоб темным намоченным рукавом рубахи.

«Вот так председатель!» – мелькнуло в голове, и стереотипный образ сатрапа сразу растаял, улетучился, как дымка. Передо мной был крупный, плотный, немолодой мужчина с выразительными глубокими глазами, немного уставшими, как мне показалось, но очень добрыми, сразу располагавшими к себе.

- Бог в помощь! – начал я свое знакомство, получив в ответ едва заметный кивок козырька председательской фуражки и сосредоточенное молчание мужиков, колдовавших над мотором.

- Мне бы поговорить с вами, Курман Нурушович! – уже более решительно продолжил я. - Я из районной газеты.

Нет, не сразу, а закончив затягивать тугой болт, удостоил меня спокойным, серьезным взглядом человек, так не похожий на бравого разведчика, образ которого я по наивности своей себе нарисовал, придумав даже бойкий заголовок для очерка: «Герой передового края».

Степенно, без суеты отерев ветошью промасленные руки, вымыв их в ведре с соляркой, скатав рукава рубахи и застегнув пуговицы на запястьях, Курман Нурушович подошел ко мне, сильно прихрамывая и чуть поскрипывая протезом, протянул крепкую жилистую руку (пожатие настоящего мужика!) и немного виновато улыбнулся:

- Не успевают. Рук рабочих не хватает.

И еще раз я удивился, теперь уже его деликатности, помятуя о словах секретарши о горе-выпивохах.

«Своих не сдает! Фронтная закалка!» – отметил я про себя и рассказал ему о цели своего визита.

- Не люблю я всего этого: газет, статей про себя. Да, воевал, как все, разведчиком был. Выбрали самых сильных, ну и я попал в их число.

Так и сказал: как все. Прозвучало это как-то буднично, а между тем говорил это человек, у которого были ордена ВОВ I - II и третьей степени, медали «За отвагу» и «Боевые заслуги»!

- Не люблю я о войне вспоминать,- продолжал бывший разведчик. - Четырех братьев отняла, ноги вот лишился. А сколько народу погибло? Не счесть. Будь она проклята, эта война!

И все же под напором моих веских доводов о том, что молодому поколению надо знать о тех, кто защищал страну в годы войны, он рассказал о своих боевых товарищах, о части, в которой служил, о заданиях, которые выполнял вместе со всеми.

-А ногу в рейде потеряли? – поинтересовался я, думая, что оторвало ее какой-нибудь шальной миной, которыми «поливали» фашисты разведчиков в мертвой зоне при осветительных ракетах.

- Нет. Все дело в сапогах.

- В сапогах? – я удивленно вскинул брови, недоумевая, как могут сапоги нанести вред ногам. Хотя, если подумать, вполне могли. Бывали случаи, когда мозоли доводили до заражения крови. Но, как бы опережая мои соображения, ветеран подумал, вздохнул и махнул рукой:

- Ладно. Никому не рассказывал, а тебе расскажу.

За что удостаивался его тайны, не знаю, может быть, потому, что рассказал я об орловщине, на которой он успел повоевать, об оккупации, в которой мы были, но Курман Нурушович поведал мне следующее.

- Было это в Польше. Когда Вислу уже формировали, взяли мы с боем какое-то село. Пошли по домам, по

подвалам смотреть, не заселились ли где-нибудь немцы.

Точно. В одном из сараев нашли одного. Вывели. «Гитлер капут!» - кричит, а в руках вещмешок. Но без оружия. То ли от усталости, то ли от жалкого его вида обшаривать фрица не стали, и, как оказалось, дорого это нам обошлось с другом. Стоим, друг на друга смотрим. И он, гад, смотрит на мои сапоги, разбитые, с оторванной подметкой, дырявые, из которых чернеют портянки.

А он пальцем тычет на вещмешок. Взял я его, развязал, а там две пары офицерских хромачей. Новехоньких. Никогда мы ни с мертвых, ни с живых вещей не брали, а тут, берите, мол, не жалко. Сам предлагал. Но пожалел волк овцу! Стали мы с сержантом переобуваться, а фрица из виду выпустили, бдительность на какие-то секунды потеряли, а фриц выхватил браунинг и два выстрела по нам. Один в сержанта, другой - в меня. Если б в меня первого стрельнул фашист, я бы с тобой сейчас здесь не разговаривал. Убил фриц Колю, друга моего, а меня в ногу ранил. Рука, что ли, у него дрогнула или меня Аллах уберег, не знаю. Но после этого пистолет у него заклинило, а я его, гада, полоснул из ППШ. «Коля, - кричу, - Коля!». А у того глаза уже остекленели. Вот, говорят, немцы трусами были. Нет, я их в рукопашной видел: сильные и отчаянные. А этот хитрый и подлый, но тоже не трус.

Меня в госпиталь увезли с раздробленной костью. Пошло заражение, и оттяпали мою левую по колено. Вот какая бывает война. Будь она проклята!

Помолчав, он добавил:

- Ты об этом не пиши. Не надо.

Я пообещал. Простились мы, как и встретились, крепкими рукопожатиями, и поехал я в районку писать

праздничный материал о героическом разведчике Курмане Нурушове, на счету которого было с десятков личных «языков», рейды за линию фронта, бои, взятые города, убитые друзья, боевые награды.

Конечно, статья называлась «Смелый разведчик», и все в ней честно и правдиво, но не так, как рассказал мне фронтовик сухо и скупно, а с подробностями, достойными моего бойкого пера и воображения. И статью мою хвалили, а Курман Нурушович, рассказывали, только ухмыльнулся, но добавил: «Все правильно!».

А мне осталась на память о той встрече такая деталь: одна нога бывшего солдата в кирзовом сапоге, а другая - в кожаном ботинке, натянутом на скрипучий протез. Так и ходил по мирной земле бывший полковой разведчик.

Умер он в 81-м году, царство ему небесное и вечная слава! А судьба свела меня с его дочерью Батией, с которой коротаю я теперь свою старость и которая стала моей супругой, согревшей меня последним теплым чувством.

Встреча была случайной, а стала судьбоносной. Я расспрашивал ее об отце, она много рассказывала о нем, о его погибших братьях и о новых сапогах, которые надевал Курман Нурушов в День Победы, чтобы не выглядеть инвалидом в кругу бывших фронтовиков. Не хотел он быть увечным в этот день. Впрочем, как и всегда. Но пути господни неисповедимы!

СОДЕРЖАНИЕ

У плотины.....	3
Моя война.....	11
Подранки.....	35
Кара.....	41
Тусовка.....	43
Цапля.....	44
Трутни.....	45
Ведьмин круг	47
Марафон деда Панкрата.....	49
Двойной заряд.....	52
Прозвище.....	57
Простокваша.....	62
Вишни.....	66
Белый грех.....	70
Волки.....	79
Сапоги.....	86